

Григорий Певзнер

Обрывки сна

Гриша поздно вечером пьет пиво и думает о прекрасном

Григорий Певзнер

ОБРЫВКИ СНА

Москва
2016

Обрывки сна

Художник **Ольга Чикина**

П 23 **Певзнер Григорий**
Обрывки сна: Стихи.— Москва, 2016.— 180 с.: ил.

ISBN

В новую книгу Григория Певзнера вошли стихи, в основном написанные после 2011 года.

«Обрывки сна» — начало стихотворения, давшее название книге и первому её разделу. Раздел этот — «вспышки магия», выхватывающие из памяти грустное и смешное, страшное и доброе. «Несговорчивый взгляд клинициста», ирония и ностальгия проступают в новом сборнике ещё чётче, чем в предыдущих.

ISBN
ББК

© Певзнер Г. А., 2016

* * *

*Моим родителям
Д. Ю. и А. М. Певзнерам*

обрывки сна тишина полутьма
гобеленная бахрома вдруг за пальцы кусающая
чёрная девушка зависающая
вроде бы за балконом или в проёме оконном
картинка из гриммовских сказок внушавшая ужас
того хуже дядька в смазных сапогах
наглый посреди дня на стол усевшийся и меня
подманивающий маслины жрущий
одною рукой их из банки берущий
другою щиплющий меня за нос
первое как оказалось что помнишь ты
остальное проступит позже
мансарда сумерки угол комнаты
твоё ложе никелированная кровать
шарики отвинчивающиеся на спинке
которыми бредил во время свинки
отит в ухе ватка за ухом вата
дышать трудновато трудно дышать поздний час тьма
всё как положено аденоиды астма
молоко пенки гобеленчик на стенке над головой
не тот другой тот первый живой напротив
под ним раскладушка матрац подушка
какое-то покрывало на ней
и простота святая гордое имя тахта
родители факт тахты отрицают
не порицаю но мне видней
вернёмся твоя кровать а рядом с ней
книжный шкаф в углу за ним «татино» там темно
дальше луч на полу окно видимо это было давно
вспышки магия остальное забыто
магия атрибутов убогого быта
их нет есть германия интернет понимание
что я оттуда оттуда есмь и оттуда буду
в реалии попадая любые другие
ностальгия

2009

Улицы возле дома, где мне довелось родиться,
назывались весьма уютно и живо:

Садовая, Подгорная, а то и вовсе
Черноглазовская, Девичья.

У переименовавшего позже их проходимца
была явно литературная жилка:

Подгорная стала зваться ПОтебни, ДЕвичья — ДЕмченко.

Народная этимология предлагала модель
для названия «Девичья» (к реальности, впрочем,
имеющую отношение едва ли):

дескать, в доме напротив нашего был когда-то бордель,
и, дескать, по девочкам оно же и назвали.

Наш был такой же: псевдоготический, старый, красного кирпича.

У нас — высокий четвёртый этаж. Мансарда.

Над балконом — розетка.

Жильцы — и те поднимались с трудом,
ну а вода, понятно, лишь по ночам.

Впрочем, и по ночам так высоко она забиралась редко.

Жильцов было шесть семей. Туалет один.

Эстафета у двери, запах. Внутри деталей не помню,
но помнится мрачное что-то.

Я туда не допускался и на горшок ходил,
точнее, сидел на оном, что документировано на фото.

Квартира была немаленькая, убедительной высоты.
В бывшей гостиной — кухня, сердце «вороньей слободки»:
две замызганных непрерывно работающих плиты —
в очередь кастрюли, выварки, сковородки.

Шесть комнат. Ещё две, безнаказанность ощутив,
соседи надстроили почитай что на крыше.

Соседи — это Михайловы (Володька — тот ещё тип!

Припоминаю, как, матом покрывши,

на папу он бросился, как шальной,
как папа прижал его, как завизжал он)
и Овчинниковы. С Валентиной дружили.

Алик, сын, считался тогда шпаной.

Но именно от него услышал я первый раз Окуджаву.

Было ещё много всяких: частично хороших, а в целом — разных.
Фрейберги через стену — Лиля их была на четыре года меня старше.
Мать Лили уже не помню, а Сая —

отец — купил как-то козлёнка под праздник.

Мне разрешали его кормить, гладить. А вскоре Сая, топор доставши,

зарубил козлёнка на той же кухне, освежевал, сварил.

Сам я, конечно, не видел — мне рассказали.

Белый козлёнок с проломленным лбом —

кто о детстве бы ни заговорил,

и сегодня, как по заказу, перед глазами.

Коридор, начавшись от кухни, доходил до долгополовской двери
и, круто свернув, мчался к двери входной от выварок и угара.

Встретившийся в нём как-то сибирский кот,

как увидел его тогда и как вспоминаю теперь я,

был размером с некрупного ягуара.

Кот был долгополовский, коридор — длинный.

Беззубая Александра Ивановна улыбалась и много курила.

У высохшего алкаша Вовки была воровская малина,

а очередная жена его Фроська самогон на продажу варила.

Остаются ещё Базилевские — за углом коридора

ближе к входной двери.

Логово их было задёрнуто занавеской.

Три перезрелые дочки — не то чтобы злые, как звери,
но выражение начисто позабытых лиц

вспоминается почему-то зверским,

пованивающая Базилевская-бабка и Базилевский-дед —

не скажу уверенно, точно ли с седой бородой,

но совершенно точно помню, что с палкой.

Он и весь по ощущению был какой-то высохший и седой,
но нрав имел боевой, хоть и вид жалкий.

Однажды он замахнулся палкой на моего отца —
собрался заехать папе моему по лбу.

Палка была вырвана, а вот дальнейшее всплывает не до конца:
не то сломана, не то возвращена владельцу — не помню.

У Базилевских что-нибудь подгорало целые напролёт дни.
Обладая наверняка особым рецептом вкусной и здоровой пищи,
«Мы любим горелое!» — невозмутимо отвечали они,
не повернув головы кочан в сторону
очередных возмущённо вопивших.

В детстве я очень боялся смерти близких —
своя отодвигалась в тень.

Образ её прятался в подсознании и контур имел нерезкий.
Но если я всё же задумывался, то смерть, самый её день,
точнее, даже момент, представлялся
как валяющийся на спину старик Базилевский.

Прошло полвека. Я вроде пока не могу
различить другой берег. Но всё чаще, начну всматриваться едва я,
представляется: старик Базилевский стоит на том берегу
и приглашающе эдак палкою помавает.

2013

* * *

До чего же злобные были рожи
у «МАЗов» моего детства, у «МАЗов» шестидесятых.
На свирепых быков из мультфильма похожи —
был их рёв ужасен и вязок запах.

А ещё страшнее были колёса —
на передних кружок меж болтов, казалось,
был зрачком разгневанного колосса,
еле сдерживающего ярость.

А потом был «КраЗ». Он, казалось, злится,
даже когда безлюден и неподвижен.
Я всё время видел в предметах лица —
да чего там видел! И нынче вижу.

В детстве я по лестнице поднимался,
и окном прикидывалась рожа злая.
А за дверью ждал уже жирный Марсик,
задыхающийся от лая.

Я боялся собак (даже самых добрых!),
чёрной девы из братьев Гримм, мальчик-с-пальчикового людоеда.
Взрослые посмеивались, мне картинку подсунуть пробовали —
я сбегал и баррикадировался внутри туалета.

И вообще я испытывал недоверие к миру:
вдруг вокруг всё непросто, всё сплошное притворство?
Вдруг родные или вот эти, идущие мимо,
лишь прикидываются, а на самом-то деле монстры?

Доктор рвал аденоиды, руки споласкивал,
я рыдал в палате лицом в подушку.
Впрочем, прочие монстры часто бывали ласковы.
Были «ЗИЛы» моего детства коренасты, но добродушны...

2016

* * *

Моим родителям Д. Ю. и А. М. Певзнерам

«Блядоящер очкастый! Кроковерблядь рогатая!»

Эти праздничные выражения
классе, скажем, примерно в пятом
чуть косящий Юрка Шпилевский,
мой тогдашний сосед по площадке
павлопольской нашей хрущёвки,
подарил между делом мне.

Сорок лет и четыре года
с той поры, поди, миновало,
а тогдашнее потрясенье
этим пиршеством русской речи
до сих пор, пожалуй, со мной.

Мы ходили в разные классы,
а скорее, в разные школы.
В сто семнадцатой нашей средней
я сегодня Юрку не помню —
видно, всё же он был в другой.

Помню, правда, зато прекрасно,
как на складе вонючей тары
(в нашем доме располагались
продуктовые магазины)
мне запущенный Юркой ящик
на излёте рассёк губу.

Как я бабушкой был притащен
(мама с папой были в отъезде)
в поликлинику по району,
как мне сыворотку вкатили
и столбнячный анатоксин.

Помню, как сидел в коридоре
прямо около процедурной,
как не мог понять я, в чём дело,
когда что-то во мне сломалось,
когда вдруг дышать перестал.

То есть нет, дышать я пытался,
я вскочил и вдохнуть пытался,
рвал у горла ворот рубашки,
воздух ртом ловил, точно рыба,
только воздух не проходил.

Перхоть лошади, аллергия —
это всё я услышал позже,
а тогда я бежал наружу,
задыхаясь, бежал наружу,
сам не зная зачем бегу.

В безвоздушном своём пространстве
я бежал куда-то от страха,
от сжимающего удушья,
от ужасных бабушки воплей,
от безумных бабушки глаз.

Где теперь ты, Юрка Шпилевский?
Наши судьбы пересекались
неожиданно много позже...
Вдруг фортуна выкинет фортель
и столкнёт нас ещё разок?

2011

* * *

Утром звёзды невесомей,
хрупок воздух, хрусток снег.
К жёлтой бочке тёти Сони
направляюсь в полусне.

Дворник возится у дома,
чем-то мрачно шерудит.
Я бреду, звенят бидоны
у меня и впереди.

Арка. Угол. Боком бочка.
Как обычно, без конца
к бочке тянется цепочка
чёрных пугал без лица.

Воротник у пугал поднят,
и откуда-то над ним
пар на выдохе выходит
(а из некоторых — дым).

У меня в кармане трёшка
и бидоны в двух руках.
Тётя Соня, как матрёшка,
в телогрейке и платках,

из обрезанной перчатки
пальцы мёрзлые торчат...
Память держит отпечатки
через годы, через чад:

алюминиевый ковшик
в тёти-Сониной руке.
Двух бродячих драных кошек
хриплый мав невдалеке.

...Я пришёл, похоже, рано:
нет движения пока.
На носу у бочки крана
сталактит из молока.

Точно в церкви при иконе,
по утрам, придя в свой храм,
теплит свечку тётя Соня,
греет свечкой стылый кран.

Кран оттаял постепенно,
льётся в ковшик молоко.
В молоке вскипает пена,
поднимаясь высоко.

И, на эту пену глядя,
недоверчив и брюзглив,
закипает вредный дядя,
предвкушая недолив.

Но, глуха к карманным фигам,
тётя Соня, мир в душе
сохранив, погасит мигом
пену в дяде и в ковше

до разумного предела.
Приструнит слегка народ.
А со мной — другое дело:
мне добавит от щедрот.

Потому что суть — не млеко,
а улыбка на лице,
потому что человека
уважаю в продавце!

...Я сдержать не в силах вздоха.
Для чего во мне живёт
позапрошлая эпоха
и покоя не даёт?

Что мне это время оно?
Но всю жизнь я в нём.

Пешком,
с облупившимся бидоном
за морозным молоком.

2012

Едва ли дети весь смак просекут —
это счастье у них украли:

АК разбирали мы за семнадцать секунд,
за двадцать семь собирали.

И хотя персональный компьютер не привиделся бы и в бреду, как-то жили и светлое будущее ожидало. Получали все не сказать чтобы по труду, но каждому что-то перепало.

Выпить, по крайней мере, справлялись все, кто хотел, а хотели многие — чаще вместе, взаимное уважение не тая. Трезвые проходили мимо счастливых тел, думая: «На его месте должен был быть я».

Но не только ведь пили — это не так!
Парки культуры, к примеру, тоже давали градус.
Кому на аттракционах, кому в кустах,
но всякому находилась радость.

Кому парашютная вышка, кому карусельный скакун...
Мне вон тоже досталась культура, и с отдыхом было нехило:
летний лагерь. Библиотека. Древнегреческий Кун.
Фетида, держа за пятку, купает Ахилла.

Пацан вырывался — дышать хотел — и пятку не намочил. А намочил бы — у стен Илиона у Скейских ворот прорубался бы по груде тел и хрен замочила бы его стрела Аполлона.

Будь Ахилл в нашем классе,
 небось за пятнадцать бы и двадцать пять
на НВП справлялся, бил бы мне морду,
 я старался бы не проходить мимо.
После школы он сел бы или стал офицером,
 сдал спортивные дисциплины на пять
и в Афгане пяткою наступил на мину.

А я в лагере стал не на мину, а на качели,
вдруг голос внутри: «Берегись!» —
кто-то запрыгнул выше, катапульта сработала.

Меня не поймали.
Дальше понятно: «Закрытый перелом. Гипс»
(фильм как раз в это время снимали).

Но это мелочи. Рука поболела слегка, зато мне нравилось вид иметь раненый и суровый. А через пять лет в разборке и сборке АК ломаная рука участвовала уже не хуже здоровой.

2016

В столице провинции свои принципы, свои связи — от парикмахера до портного. У мамы пальто, скажем, от Закутинского, костюм у папы — от Бережного.

Речь о качестве, ясное дело, не для форса.
Впрочем, и раньше жили неплохо,
много вспоминается с ласкою.

От аванса к получке, конечно, без лишних фокусов, но мебель всё-таки югославская.

Мусоропровод, лифт, балкон — всё, что необходимо.
Внизу бакалея, хлебный, овощной с мясным отделом:
грузчик — тихий debil — Жора и рыжий мясник Фима.
Фима кое-что нам подбрасывал то и дело.

Проспект носил имя Ленина. Ильич был не против и ежегодно охотно одобряюще и ободряюще подолгу висел на стене напротив, делая ручкой: «Верной дорогой идёте, товарищи!»

А ещё раньше был май, октябрь и куранты, был Гагарин — рукой подать до созвездий. Позже остались в основном демонстранты, дружно отливающие в подъезде,—

я проживал тогда на окраине,
а родители в самом центре, удобно:

Ленин дорогу указывал с пьедестала,
так что народ с площади шёл прямо к их дому,
и тропа народная не зарастала.

Власть склеротическая в поминаемое время
не интересовала меня и уже не очень-то интересовалась мною,
так что участия в демонстрациях бремя
обходило меня стороною.

А вот раньше-то, раньше зато как хаживали —
 транспаранты, шарики, фетровые шляпы...
 Парни выпивали, за барышнями ухаживали...
 Маленькие мы, молодые мамы и папы.

А в детстве-то, в детстве какой был праздник — что на ноябрьские, что на майские, особенно если погода. Все весёлые, куча знакомых и прочих разных, куча шариков — синих, зелёных, красных, — транспаранты, вожди... Я флажком размахивал гордо.

Шарики были круглые, позже появились «колбаской» — эти сначала казались круче.

Одни лопались, другие взамен надувались.
Я резину от лопнувших подсасывал ртом и мелкие скручивал,
чтоб их хлопнуть о чей-нибудь лоб, а окружающие не давались.

Со сменой усов на лысину пружину ведь подотпустило, люди вздохнули, выдохнули, сказали спасибо. Нас держали, конечно, за горло, но лишь вполсилы, что в два раза всё же слабее, чем в полную силу.

Так что жили в стране мы самой свободной,
я гордился вместе со всеми — а что такого?
Как звучал военный оркестр сводный!
И кто там знал про Бродского, про Галанскова...

Это позже мы понимать учились —
«Би-би-си», «Свобода», портвейны, изжоги.
Ой ты Куба — любовь моя, у дороги чибис —
у какой ты, чибис, поёшь дороги?

Что ж ты, милая, блин, смотришь искоса?
Вот такой паровоз у нас был, и пути не досталось иного.
Но пальто было всё же от Закутинского,
и костюм был тоже — от Бережного.

2015

* * *

И вспомнится: обрывки мата,
вокзал, вокзальные часы.
Галдѣж. Балдѣж от аромата
угля, мочи и колбасы.

Перрон. Бредущих веренища.
Вот твой вагон. Вот твой черѣд.
Неласковая проводница
билет неласково берѣт.

Вот втаскивание с перрона
чужих тюков, чужих узлов,
протискивание по вагону
и объявления без слов.

С глазами вровень чьи-то пятки,
загородившие проход.
Вот место. С местом непонятки
и с местом для вещей. Но вот
флажок подѣмлет проводница,
мир разделив на здесь и вне.
Толчок, и смазанные лица
плывут беспомощно в окне.

А здесь — устав дорожной лени, —
как только тронулся состав,
баул пристроив на колени
и припасѣнное достав,
всяк ест — точь-в-точь изголодался,
свершал великие труды,
и ждал, и наконец дождался,
и вот дорвался до еды.

...Пейзаж в окне успел смениться,
сосед — напиться невзначай.

Собрав билеты, проводница,
разносит чай — о этот чай!

О сахар в пачечках кусками,
в двух (хоть хватило б и одной)!
О несравненный подстаканник,
мой мелкий праздник поездной!

Что стюардессы? Что красотки
со столиком передвижным?
Что все их ланчи, вина, соки
в сравнение с чаем поездным?!

Какой был месяц?.. Год хотя бы?..
Не те мозги уже, не те!
Что в вѣдрах приносили бабы
на полустанках в темноте?

Всѣ было так неповторимо,
и всѣ забылось. У окна,
я помню, как курилась «Прима»
и как была она вкусна...

А та незапертая дверца
в последнем тамбуре, в хвосте,
и оборвавшееся сердце,
и оборвавшаяся степь!

...Всѣ тонет. Скоро в Лету канет.

За двести я на автобане
зашкаливаю невзначай.

Позвякивает подстаканник.
Слегка колышется в стакане
мой байховый грузинский чай.

2013

* * *

И рай нетрудно перепутать с адом.
Тому лет сорок бродит меж людей,
тасуемых неспящим Ленинградом,
терзаемый печалью иудей.

Он юн. Он очень юн. Не оттого ли,
себя несчастным чувствуя вполне,
он, не сумев найти покой и волю,
порою ищет истину в вине?

И, отыскав её там ненатужно,
вновь липнет взглядом к каждой визави,
ведь истинно, что истины не нужно,
а хочется воистину любви.

Ночь белая слегка бренчит по струнам.
Дела дневные потеряли вес.
Небось в такое время к девам юным
из сумерек выскальзывает бес:

«Не становись царицей, не рожай мне
богатырей — есть сладостней искус!
Любовь садовая, возможно, урожайней,
но у дикорастущей ярче вкус!»

А он — не бес. Он — скромный мальчик с юга,
которому осточертел удел:
он — дев знакомых лучшая подруга,
поверенная их сердечных дел.

И, набережной грустной Арсенальной
пустой тоской по городу водим
бредёт отец семьи потенциальный,
весь в комплексах и потому один.

Вот он маршрута изменяет вектор,
свернув вослед вильнувшему хвосту,
и топает к Литейному проспекту
по длинному Литейному мосту.

Нева... Не вам... Плевать! Всё, в общем, клёво,
с Невы весь город словно для него.
Гитара у него семирублёва,
и сам он тоже, в общем, ничего.

«Летел Литейный в сторону вокзала»,
а он навстречу пилит по мосту.
Разводят мост. Всё круто и кузяво
со всех сторон: по эту и по ту.

И он уже опять взирает гордо,
как равный улыбается Неве,
ведь у него в запасе три аккорда
и два десятка песен в голове.

А счастье, разумеется, придет,
и не мешало б что-то пожевать...

Его я вижу, он меня не видит.
Ему не то чтоб на меня плевать —

я просто для него как «Ленин в Польше»:
миф, плод фантазий — ни сорвать, ни съесть.
И ждёт он от меня, понятно, больше,
чем то, что я в действительности есть.

Ему порой по шее дать готов я,
что справедливо было бы вполне:
он курит, гробит, гад, своё здоровье,
нисколько не заботясь обо мне!

Из выданного Богом реквизита
достался мне лишь хлам от дурака.
И я, конечно, злюсь на паразита,
но и люблюсь им издавека.

2014

* * *

Пусть повторится, что неповторимо:
начало мая, южный берег Крыма.
Точней, сперва Джанкой... и ночь... и Керчь...
И первый в Феодосию автобус...
Мы пронеслись по Крыму, точно смерч,
в восторге поторапливая глобус:
вокзал, вагоны, рельсы, города —
в обрез и наспех всё, мал отпуск, как всегда!
Сын дома с бабушкой, мал отпуск — Боже мой! —
ожиданный, отложенный, медовый.
Четыре ночи и уже домой?
И всё опять, и всё опять по новой?
И нам останется зимой лишь привкус Крыма?
Тогда и сбросим темп — когда-нибудь, зимой!
И города проскакивали мимо,
и пенился кильватер за кормой...
Пусть повторится, что неповторимо!

Мы в Феодосии. Начало дня.
Мы пирожки на улице купили.
Под Киевом какая-то фигня,
и ехать в Киев нас отговорили.
(Не надо крыть меня и укорять —
я не прошу Чернобыль повторять!
Но в этом кадре он за рамкой кадра...)
На рейде в Севастополе эскадра...

О чём я? Севастополь не тогда!
А что тогда? Всплывает ерунда:
белёный Дом колхозника. Площадка
с качелями и скамьями. Палатка
на пляже в Планерском, и пляшущие блики,
полны луны, и солнца, и весны,
спланировав с отхлынувшей волны,
срываются на сердолики...

Я повидал с тех пор десятки стран.
Мы что ни год летим за океан,
иль за море, иль на море хотя бы.
Канадцы, и бразильцы, и арабы
сливаются в один калейдоскоп...

А я единым глазом, как циклоп,
копаюсь в памяти. И что там в глубине,
чем дальше ухожу, тем ближе мне,
что светится так горько и так сладко?

Короткий отпуск. Поезд. Перекоп.
Белёный Дом колхозника. Палатка.

2011

Биология с химией были моим коньком.
Я, по крайней мере, так думал.
Я считался в десятом классе довольно способным учеником,
даже наглость имел хорохориться: в медицинский пойду, мол.
Что вызывало, конечно, не уважение, а так — смех скорее,
так как ясно было, что все надежды вотще:
в медицинском харьковском брали взятки со всех кроме евреев —
этих не брали вообще.

Но аргументы скептиков меня не остановили,
весьма тогда до медицины охочего.
Я вечерами почитывал биологию Вилли,
а химию учил по Хомченко.

И вот на химии завтра тема «Белки» —
к чёрту Хомченко! Близится звёздный час мой!
Я открыл в самом Глинке главу «Белки»,
я прочёл её до последней строки,
покраснели белки, помутнели зрачки,
но я жил в ожиданье оргазма.

Я под утро, помню, сомкнуть не мог глаз,
а наутро сюрприз суровый:
вместо Татьяны Степановны в класс
входит практикант двухметровый.

Чеканным шагом подходит к окну.
Потом к столу. Кого вызвать, решает.
«К доске пойдёт...» Я, разумеется, руку тяну,
но длинный внимания не обращает.

«К доске пойдёт... Радченко!» Всё. Убил.
Рухнул нож гильотины тяжкий.
Витька смотрит с тоскою — он был
по химии троечником с натяжкой.

То, что было потом, я осознал уже на ходу:
Глинка выглянул из-за классной доски,
«Встань и иди!» — подмигнул вкрадчиво.
И вот хлопает крышка парты, я встаю и иду,
как будто бы я — Радченко.

Уж не помню, что конкретно тогда я нёс,
в какие успел забраться дебри.
Зато как сейчас вижу: у практиканта вспотел нос.
Он всё бросал взгляд в сторону двери,

перебивал, задавал вопросы — ответы я, ясное дело, знал.
А ему-то ведь что-то понять было необходимо.
Бедняга попеременно смотрел то на меня, то в журнал,
пытаясь эти две реальности как-то свести воедино.

Но вот он рубашку одёрнул, как гимнастёрку,
прошла волна желваков, он взглянул и сделался как-то сутул.
«Меня убьют, но... но я вам ставлю пятёрку!» —
И двухметровый в изнеможении опустился на стул.

Дальше всё пошло проще, так как было уже знакомо,
так как сделан был первый шаг
и что делать — дальше было уже понятно вполне.
Дополнительная задача. Я сую решение Сашке:
«Ты Певзнер, а не Пахомов».
И теперь уже пятёрку поставили мне.

Думаю, понятно, как далее события разворачивались,
осталось только эту канву облечь в слова.
Практикант произносит: «Пахомов!»
Вскакивает Витька Радченко:
«Простите! У меня болела вчера весь день голова!»

Твёрдый хорошист Пахомов практикантом прощается великодушно.
Практикант успокаивается постепенно, можно сказать совсем.
Урок заканчивается. Эйфория проходит.
И что срочно что-нибудь делать нужно,
только что — непонятно, дальше-больше становится ясно всем.

После уроков совет в Филях: помозговали, поговорили,
приуныли — представили,
как будут развиваться события в учительской наверху.
В итоге самой харизматичной в классе — Марине —
поручается просветить клиента на тему, ху есть ху.

И вот, поймав и отозвав практиканта в укромное место,
где стояли мы с опущенными головами,
она начинает: «Простите, всё как-то нелепо вышло, мы честно,
ну вот, честное слово, вовсе не собирались подшутить над вами!

Короче, вот это — Радченко, это — Певзнер, а это — Пахомов.
Они просят прощения!» Практикант застыл.
С каким-то выражением, нам совсем незнакомым,
на нас уставился с двухметровой своей высоты.

«Я вам... Вы меня...» — и вдруг, зарывав гулко и страшно,
как какой-нибудь оперный баритон точь-в-точь,
не слыша летящих вслед извинений наших,
практикант помчался по лестнице прочь.

Двое суток день и ночь пережёвывал я грехи мои,
двое суток готовился к суровой и справедливой расплате.
И вот наступает следующий урок химии.
И входит Татьяна Степановна
в похожем на прокурорскую мантию платье.

Она смотрит на нас и выдерживает паузу.
Во взгляде её что-то такое...
Она начинает тихо, потом всё громче
голосом, прокурорскому платью под стать.
И вдруг пощёривается, пытается прикрыться рукою
и начинает захлёб, безудержно хохотать.

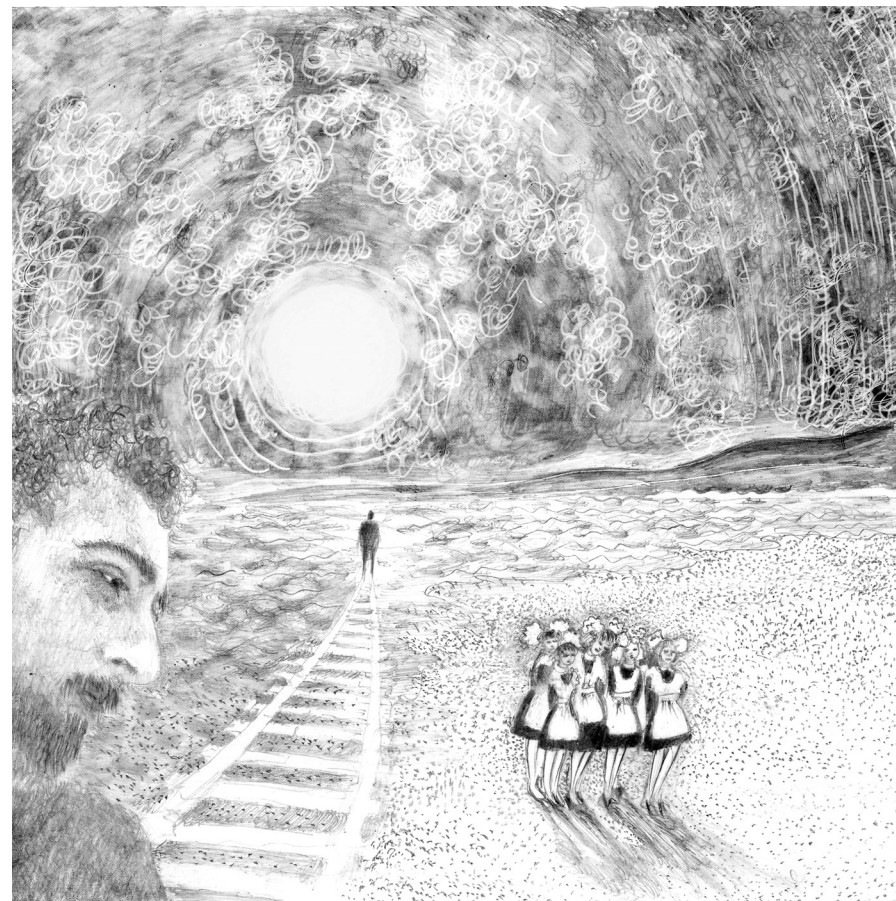
Расправа не состоялась, как из сказанного, я думаю, видно...
Было ль всё это? Всё это было, только было очень давно.
Прошло сорок лет. Мне с годами всё больше стыдно.
Хотя — ничего не поделаешь! — всё-таки и смешно.

Прошли выпускные экзамены. Все мы сделали ставки.
Врачом я всё-таки стал, но теперь — лет двадцать уже —
врачом не работаю. Витька Радченко — подполковник в отставке.
Сашку я потерял из виду на нынешнем вираже.

Колода судеб, множество неожиданных версий.
Кто-то умер, кто-то, как прежде, в Харькове,
кто-то уехал в чужие края.
У Марины вон музыкальная школа в Нью-Джерси...
А я... А что, собственно говоря, я?

2013

Реже хочется гурьбою

* * *

Грызясь с женой, промокнув в луже
иль принимая душ из тучи,
я знаю: в целом будет хуже,
но временами всё же лучше!

2012

* * *

Реже хочется гурьбою...
Привыкается вполне
с болью, Богом и собою
в тишине наедине.

Боль прилежная, как спица,
лунный облик нарочит.
Замечательно не спится,
время в дырочку сочится.
Бог сочувственно молчит.

2012

* * *

Всевышнему какое дело?
Что мы бессмертному Ему?
Мы надоели до предела
Ему своими «почему?».

Воздевши взор к Его чертогу
и помолившись на ходу,
мы нудно лезем в душу к Богу:
«А что Ты здесь имел в виду?».

А Он имел нас всех в виду!
Он просто так сидел в саду,

и вдруг в какое-то мгновенье
пушинка, бабочка, пустяк...
И накатило вдохновенье!
И стало этак, а не так!

2012

* * *

Почти не нарушая тишины,
нашёптывает ветер в тишине.
На небе каша, и луна в кашне.
За облаками звёзды не видны.

Сквозь воздух, невесомая почти,
течёт чуть слышно времени река,
где звёзды отражаются слегка,
а наших отражений не найти.

Ночь. Дождь порой расплывается во сне.
На стёкла капли капнут и стекут.
Часы клюют секунды на стене
и сплёвывают шкурки от секунд.

2012

* * *

Пока ещё на море тихо,
и бурей простор не чреват.
Ещё не посажена тыква.
Ещё не родился червяк.

И время пока ещё оно,
неспешно сочитается оно.
И в матери чреве Иона
не знает, что всё решено.

Что бегства попытки излишни,
что вплавь от судьбы не уйдёшь.
Что, ставши за кульман, Всевышний
для рыбы готовит чертёж.

2012

* * *

Свой бисер больше не мечу,
молчу, не лезу в драку.
И на Итаку не хочу.
И не хочу в атаку.

Порою плачу, но плачу,
бурчу, что впредь не стану.
что то, что было по плечу,
теперь по барабану,
что нерв задет, что нос забит,
что перекрыты краны...
Рубец на знамени зудит
на месте бывшей раны.

2012

* * *

Наклонись и умойся, зачерпнув из ручья.
Светом стянута в кольца мошкары толчея.
Выбрав нужную ноту, горло пробует птах.
Непонятное что-то промелькнуло в кустах.
Зачерпни и умойся, не мешай мурашам —
мураши-комсомольцы тащат брёвна спеша.
А поверх всех козявок и поверх головы
запах утренних яблок от лежалой листвы.
2012

* * *

Рассвет готовится к восходу.
За Фебом посланы гонцы.
Поют восторженную оду,
как полагается, певцы.

И пусто, как перед атакой.
И дым над трубами дрожит.
Слепая девушка с собакой
пустою улицей бежит.

И, этой паре третий лишний,
восходит Феб. А я смотрю.

Благодарю Тебя, Всевышний,
за всё Тебя благодарю.

За то, что создал тварью тленной.
Что эту тварь повеселил.
Что жизнь замыслил для Вселенной
и во Вселенную вселил.

2012

* * *

Кельей сумрак сделал спальню.
Утро плавно входит в келью.
Вот и ангел просыпальный
тихо реет над постелью,

тихо дует, сон сдувает,
спящим веки подымает:
мол, ребята, ожидает
весь набор хлопот и мает.

Трель дождя из водостока,
опрокинута фрамуга,
и доносится с востока
запах берега и юга.

2012

* * *

Я танцую на канате,
вижу бездну с высоты.
Это просто, раз — и нате:
снизу — бездна, сверху — ты.

Я пляшу без остановки,
избегаю взглядом дна.
Знать бы всё же: без страховки
иль страховка не видна.

Глуби, хляби, нежить, небыль...
Кто-то ногу волочит...
Добрый Боженька на небе
держит лонжу и молчит.

2012

* * *

Отче наш, иже еси
в отличие от нас, живущих вроде,
что, однако, если подумать, всё же не в счёт.
Потому что, как та пластинка, крутимся вокруг оси,
а время (это в его природе)
насквозь сквозь нас течёт.

Да святится Имя Твое! ...И уснул бы, да всё никак.
Рад бы вместо этого бодрствовать и молиться,
но глаза, как назло, слипаются, сколько ты их ни три.
Жизнь, когда пьёшь, обжигает, это так, но это пустяк:
сколько-то это, конечно, продлится,
а потом изучишь всё, что положено, уже не снаружи, а изнутри.

2012

Деньрожденное

Какое счастье чтением стихов
приехавшую в гости ненадолго
баюкать дочь, залезшую в постель.
Ей спать охота, но ещё сильнее
охота быть сейчас со мной и слушать...
Тарковский, Сухарев, Самойлов, Левитанский
являются, вступают в разговор,
друг друга каждый раз перебивая,
о нас порою просто забывая
настолько, что с Цветаевой приходом,
приняв её условия игры,
одни лишь посвящения друг другу
читают. Засыпает дочь. Но ночь,
заслушавшись, меня не отпускает.
И мы на кухне греем с ней чаёк,
сидим тихонько и читаем дальше.
И соглашаемся, что это всё души,
бесспорно, праздник, именины сердца...

А вы мне про какой-то день рожденья!

2012

* * *

Ты помнишь тань, наташ и лен
ещё не крашенные губки?
Как то, что видно от колен
до школьной полумини-юбки,

ты взглядом сотни перемен
ласкал, желанием пронизан?
А если лестница и снизу!..
Ты помнишь этот сладкий плен?

Переключался светофор ли?
Зелёный — лучший из цветов!
Ах, формы в школьной униформе!
Ты был в любое время в форме,
ты был готов, всегда готов!

Ты так пылал! Ты так глядел!
Ты был сверхновая звезда!
И лишь до слов, как и до дел,
не доходило никогда.

Весь пыл твой был, увы, напрасным,
ты лишь сопел, ты лишь алкал.
Твой светофор был вечно красным.

Зато какой в нём был накал!

2014

* * *

Гляжу, как, взявшись ниоткуда,
очами расточая свет,
шагает утреннее чудо,
шагает в университет.

Застыл, как вкопанный, прохожий,
прилипнув взглядом, как и я,
смущён нездешне нежной кожей
и лаконичностью белья.

Привычно дева излучает,
а нам-то, нам-то каково?
Ведь нас она не замечает...

Она не видит никого.

Преподавательница — тётка.
И дева юная грустит,
что дева старая походку
и всё такое не простит.

Что мысли хрупки и нечётки,
что их к тому ж наперечёт.
Что, возжеленное, в зачётке
не нарисуетя «зачёт».

2012

* * *

Взор небесный. Ноги до пят.
Дева прелестна. На перемене вопят
семиклашки, плюются из трубочки,
за косу дёргают из-за плеч —
пытаются, в общем, внимание как-то к себе привлечь.

Она поправляет косу, отмахивается едва.
Практикант-биолог, тот, что поставил «два»,
чтобы скрыть пожар, пожирающий изнутри, —
её ответ был явно на твёрдое «три»! —
так смотрел на неё при этом, что не понять
мог бы только слепой! И уже не унять
в пальцах дрожь. Вместо учёных книг
она держит раскрытым с этой двойкой дневник.

И разноцветноглазые дрозофилы,
разбившись по две,
ежесекундно скрещиваются у неё в голове.

2012

* * *

Памяти Владимира Ланцберга

Гипотенузой сгладив катет,
под ноги глядя из-под век,
Сизиф по склону камень катит —
который год, который век.

Начав с восходом, на закате
почти к вершине добредёт,
проклятый камень вверх закатит,
но камень снова упадёт.

...Сегодня, как всегда, не вышло.
А что Сизиф? Доволен он!
Ведь с каждым разом камень выше:
на миллиметр, на микрон.

Труд адский! Но Сизиф при деле
и понял главное давно:
потом, когда-нибудь, в пределе
он вкатит камень всё равно!

2012

* * *

Полустанок. Изъеденный ветром песчаник
стен, заборов бетон и акаций побелка.
Светит спелая дыня вверх над бахчами.
Старый пёс молодому вещает ночами:
мол, была там у Белки со Стрелкою стрелка.

За домами погост. Десять метров ограда.
В остальное вливается степь без границы.

Оказавшимся здесь вместо рая и ада
та же степь, что при жизни, наверное, снится.

2012

* * *

Люсе и Боре Херсонским

Едва ли сто́ит старые часы,
уснувшие в далёкую эпоху,
чинить и запускать. В них время спит,
которое показывали стрелки
в тот миг, когда, в последний вздрогнув раз,
чуть вытянулись, замерли, застыли.
И пыль в них отличается от пыли
обычной, так как время, потемнев,
слегка перебродив и загустев,
частички пыли склеило, и запах
на них остался. Тихо подойдя,
нехитрый инструмент найдя в кладовке,
открой однажды старый механизм,
как археолог древнюю гробницу,
и нюхай время.

2012

* * *

Б. Х.

Осторожно, чтоб не запачкать,
из фиксажа памяти
он вытаскивает мгновения,
укладывает их в строки,
вяжет в строфы, в аккуратные пачки.
Время обступает рапанами,
наполняет уши гудением,
намекая на сроки.

Труд не может быть кончен. Он должен быть начат.
Страхи, склоки, калек, коммунистов, нацистов
расправляет пинцет, избегая ланцета
(а вокруг чехарда белокрылых, хвостатых).
Он, конечно же, верит — а как же иначе?
Но, увы, несговорчивый взгляд клинициста
отсекает любые эффекты плацебо,
оставляя необезболивающий сухой остаток.

2013

* * *

Каплями по лицу, скатываясь с лица,
время идёт к концу. Мимо летит пыльца.

Скатываясь, как грязь, скапливаясь в углах,
время теряет связь, время рождает страх.

Память, как инвалид, шарит в углу с золой,
после чего болит болью фантомной злой.

Время к концу идёт с той поры, как идёт.
Время за годом год всё ускоряет ход.

Память мгновенья длит, след в глубине тая.
Волосы шевелит ветер небытия.

Ветер несёт пыльцу в будущие поля.
Время идёт к концу. Это не повод для.

2013

* * *

От кромки волн невдалеке
на мелкой гальке, на песке
застенчивый, полупрозрачный,
в невзрачной серой паре фрачной

кузнечик греется. Другой,
за ногу зацепив ногой,
слегка подрагивает рядом.
А я притрагиваюсь взглядом

к камням, к кузнечикам, к песку.
Я складываю по куску
картинку дня. Гляжу и вижу
сперва яснее то, что ближе, —

кузнечиков. Потом бугор —
скалистый берег, сосной покрытый.
Ряд ближних гор. Ряд дальних гор.

И неестественно открытый —
не то что облачка — намёка
на облачко не сыщется око —
меж солнцем и землёй простор.

2013

* * *

Это время на переломе,
эти щупальца в каждом доме,
репортажи из райских врат.
Не спасающие пароли,
от фейсбука до фейсконтроля
всюду пристальный старший брат.

Это кнопочное поколение,
перекрёстное опыление,
расползание всех прорех.
Ускорение устареванья,
относительность расставанья,
смена климата, смена вех.

Фиге тесно уже в кармане.
Демография, мусульмане,
ветхой памяти решето.
Все судимы, и каждый судит...

Апокалипсиса не будет.
Что-то будет. Не знаю что.

2013

Между бездной и бездной

* * *

Последний лета день туман в низины стелет
рассеянно — сей труд как будто и не труд.
Ни кошек, ни собак. Сплетенья светотени
на замершей листве застыли поутру.

Последний лета день, с трудом расставшись с ночью,
чуть сумрачен с утра и малость бестолков.
Замедленной рукой он расправляет клочья
застиранных до дыр прозрачных облаков.

Но вот вылезит кот из мусорного бака,
вот мечется скворец, и нет на нём лица.
Вот первый пешеход и первая собака.
Вот солнце наконец проснулось до конца.

И вот пошли дела: машины, люди, звуки.
Всё менее свежо. Всё более светло.
Вот муха замерла, но потирает руки,
зелёным животом ловя через стекло

тепло. И день стоит, спокойно наблюдая,
как сеем, как растим, как режем на корню.
Так женщина глядит, по сути молодая,
на внучкину с совком в песочнице возню.

Но вот какой-то час — и тучи, тучи, тучи,
как будто режиссёр опять недоглядел.
Орут вороны мчась... Мгновения тягучи...
Такой уж это день — последний лета день

2013

* * *

Давайте погрустим о том, что мы не вечны...

Вадим Левин

*И, улыбаясь, слежу за пузырьками,
Воображая, как, может быть, и я
Вот так улечу в ту заветную долину...*

Владимир Музыкантов

Сентябрьский вечер, сентябрьский лес и вечер,
когда пройдёшь от опушки метров сто
и вдруг острее ощущаешь, что не вечен,
но что-то вечно, хотя неясно что.

В лесу растения сливаются с тенями,
густея, сумрак рассеивает тень.
В лесу грибы прикорнули под корнями,
из-под корней на траву вползает темь.

Сквозь ежевику тянусь к корням поближе —
поблажек нет, весь исколот, но в руке
уже держу рыжий с прозеленью рыжик
и вижу стайку других невдалеке.

Морковный срез этот, хвоя под рукою —
не что иное, как благодная весть:
мол, не сказать в плане воли и покоя,
но всё же счастье, похоже, в мире есть.

Конечно, есть — солнце село, стало звёздно,
вечерний воздух, как терпкое вино.
Конечно, есть, просто часто слишком поздно
осознаёшь, что вот это вот оно.

Ты столько раз подходил к нему поближе
и просто так, не задумываясь, хвать,
чтоб на ладони держать, как этот рыжик,
и не решаться по имени назвать.

2013

Октябрь. Будапешт. Парк Варошлигет

Платаны облетают и листьями сорят.
Сороки не болтают. Дрозды не говорят.

Но лютик золотится, проросший на авось.
Но ягоды у тиса просвечены насквозь.

Платаны облетают порывам ветра вслед
и как бы вырастают. И нарастает свет.

Неизмеримый в ваттах, незримый до поры
он, чуть зеленоватый, течёт из-под коры.

Платаны облетают, и ёжики плодов
вцепились в ветки стаям в преддверье холодов.

И воздух странноватый. И ветер сам не свой.
И свет зеленоватый плывёт над головой.

2013

* * *

Где дразнящий предел? Где искомая точка отсчёта?
На стене паучок ловит муху в недвижный сачок.
Дождь в окне поредел, и неясно, какого ты чёрта
непрерывно играешь с собою в зачёт-незачёт.

Паучок совершенен, нисколько о том не заботясь.
Совершенная муха в его совершенной сети.
Совершенней лишь Бог, всё же сущее, в сущности, оттиск,
что не так уж и плохо. Прими этот оттиск. Прости.

2013

* * *

С возрастом изменяется тела состав,
изнашиваются мозги и хрящи.
Шевелишь мозгами, с постели встав,
пробуешь на подвижность каждый сустав,
и каждый сустав трещит.

С возрастом всё чем дальше, тем костяней:
костенеет ум, остальное тоже уже костяное.
И всё чаще ощущаешь себя как бы голым на простыне,
и хочется отвернуться к стене,
от будущего отгородившись спиною.

2013

* * *

Ну какой это склон? Это слон! Это мамонт из мамонтов стада.

К склону город прижат, город мамонтов стадом зажат.

Снег рассыпан по лбам, и, когда автобан

шелестит интенсивней, чем надо,

снег струится с ресниц, потому что ресницы дрожат.

Что под снегом ресниц? Что им там под ресницами снится,

под скалистыми скальпами Альп, что способна лишь Божья рука

соскоблить ледником? Снег. Конечно же, снегом

засыпана эта страница,

этот лист календарный из тех, что веками листают века.

Так ли важно им, белая церковь с сугробом на куполе сверху,

белохвостые кролики в снег белохвостых выводят крольчат

или оттепель: снег был пошит на века, а, глядишь, на поверку

весь изорван — в прорехи сорочки кротовые кочки торчат?

Этот город — на шкуре нарыв. Со слонами такое бывает.

Всё пройдёт — иль вулканом прорвёт,

иль покроется струпьями льдов.

Две-три тыщи годков — и уже не болит, заживает.

А ещё через тыщу-другую уже не отыщешь следов.

2013

* * *

Ветер сдул закат, а вечер вытер,

звёздный свет колюч и не упруг.

Вновь зажжёт Юпитер свой юпитер —

темнота подтаяла вокруг.

Город лихорадит, новогодит:

вспышки фейерверков там и тут,

кое-где прохожие проходят,

кое-где животные живут.

Кошки — как солдаты в самоволке.

У дороги павших елей рать.

Лютеране разбросали ёлки —

значит, время ёлки собирать.

Собирать, отогревать и ставить,

за руки держать и наряжать —

как-то их неправильно оставить

в Новый год на мусорке лежать.

В промежутке между Рождествами,

в новогодней этой кутерьме

мы ведь тоже не хотели б с вами

голыми, на мусорке, во тьме...

2014

* * *

Всё просто: туча на сносях,
гусей сорвавшихся косяк...
Всё просто — не бывает проще.
Над рощей реактивный росчерк
поверх другого в небесах,
прерывистый, как будто мел
крошился под рукой училки.
Снег на земле уже не бел,
дыряв и требует починки:
в прорехах палая листва.
Короче: утро Рождества.
Молчат украшенные храмы.
В них, деловиты и упрямы,
кладь на верблюдов навертев,
волхвы торопятся в вертеп
с дарами. Свечи не погасли,
их пламенем согреты ясли.
Дыханию вола внимая,
забыв о том, что впереди,
младенцы спят. Младенец спит,
руками матери обвит,
и в грудь уткнулся, и сопит,
как бы распят лицом к груди
и грудь руками обнимая.
И сцена тянется немая:
волхвы спешат, и вол молчит.
А паства к храму не спешит:
дары лишь в ясли привозимы,
и люди нынче не вольны,
ведь всяк торопится успеть
купить и выпивку, и снедь,
и посему с утра полны
паломниками магазины.
Обычный день. Обычный. Зимний.
Промчались гуси восвояси
за горизонт, за окоём.
И вдруг — зимой, в безмолвье, днём —
внезапный гром: «Проверка связи!
Алло! Как слышите? Приём!»

2013

* * *

Буквы — всего лишь буквы.
Сложи «ладошка», рассыпь, снова сложи.
Смотри: получилось «лошадка».
Ну что ты всё в небо пялишься буквой?
Нет никакой правды и никакой лжи?
В мире всё переменчиво, ненадёжно и шатко?

Научись ловить и от этого кайф!
Не умеешь? Не хочешь? А ты всё-таки научись!
В небе среди прокисшего молока
просвет открылся — он первозданно чист.

Голубой в нём становится всё голубей,
тучи плывут, и лайнер, кажется, падает, как Икар.
Перед домом носятся несколько голубей,
а доносится внятное, непонятно откуда, «карр».

Успокойся! Мир хоть и строится на крови, дурачок,
держится он, как ни крути, на любви.
C'est la vie. И она недурна, эта самая vie!
Наживи себя просто на Божий крючок
и лови своё счастье. Живи.

2014

* * *

Апрель. Прелюдия тепла.
В кустах шмелиное: «Just do it!»
Мои белковые тела
опять, похоже, существуют.

В них есть желание гулять.
В них нет желания работать.
Им оживать бы, оживлять
и по весенней фене ботать.

Бежать, визжать, вилять хвостом,
лучи пускать по оперенью
и со шмелями над кустом
питаться пахнущею хренью.

2014

* * *

Светает в мире и внутри.
Уже ворона кричит.
Уже незрячи фонари,
ещё машины зрячи.

Ещё не вышли алкаши
на пост у гастронома,
но в школу пилят малыши,
похожие на гномов.

Всё больше всяческих «уже»,
всё выше напряженье.
Уже на каждом этаже
за окнами движенье.

Уже край неба порыжел,
и утро разрешили.
ЕЩЁ всё уже, а УЖЁ
всё шире, шире, шире...

2013

* * *

Уж если где-то наломал добрейший Бог дров,
то не в Сардинии. Свались. Изнемоги.
Песок поёт, как эхокардиограф,
ритмично регистрируя шаги.

Он тёплый (Феб за дело взялся рано
и милость не сменил пока на гнев),
в нём камни разлеглись, как игуаны,
и полнятся теплом, окаменев.

Я пальцами легонько барабаню —
в песке звучит негромкий барабан.
Внезапный ветер, брызнув меж губами,
песок распескоструил по зубам.

И чайки подражают Пифагору,
и волны вслед спешат стереть следы.
Тень облака скользит и гладит гору.
Тень дочери выходит из воды.

2014

* * *

Любовь не всегда страсть и всякие страсти.
Бывает — исходно, а не только с годами,—
любовь, когда говоришь: «Здрасьте» —
и будишь, прикасаясь губами.

Когда ночью проснёшься, прижмёшься — и сердце радо,
и не так тяготит ненахождение смысла.
Когда просто хорошо, когда рядом,
а когда не рядом — как ни крути, кисло.

2013

* * *

Я и раньше, в общем-то, не был зол,
но добрел и добрёл до седин.
Слух теряя, быстрее отзываюсь на зов...
За многим, правда, не уследил.

Что не так уж важно, пока в руке
есть рука, у щеки щека.
Пока у старого пса, грузно пляшущего на поводке,
глаза щенка.

2014

* * *

Дожди остались позади.
На доме, повидавшем виды,
в тени груди кариатиды,
сложивши лапки на груди,
сидела муха. По груди
бродил пожарник, жук бывалый.
Тянуло из полуподвала
картошкой жареной. Дожди
закончились. Царил покой.
Такой, как все, и не такой
был день — всего казалось мало:
девчонки, машущей рукой,
и голубей, урчащих вяло,
и мчащегося самосвала...

И всё казалось — задремала
та, недреманная, с клюкой.

2014

* * *

И снова солнце в полный рост,
поскольку снова август.
И ночи от избытка звёзд
глазастее, чем Аргус.

И лопухи живей живых,
и зверобой по пояс.
И борщевик, как большевик,
нахален и напорист.

2014

* * *

Лето явно сдаёт, но пока что не кануло в Лету.
Зыбки блики на листьях, и тени под вечер густы.
Поутру Бог просматривает френдленту
и перечитывает понравившиеся посты.

Он сидит босиком и бренчит на своей балалайке.
Побренчит, помолчит, почитает и вновь помолчит о своём.
А потом, отложив балалайку, в постах оставляет «лайки»
то синицей, то жаворонком, то зябликом, то соловьём.

2014

* * *

Взамен открытий закрытия. Реже события и соития.
Чаще и тягостней ожидание приговора суда.
Под шестьдесят всё отчётливее задержка развития
и приятие того, что это уже навсегда.

Научиться бы доживать с собой без любви, но в мире,
кайф себе и ближним пореже ломая,
повторяя пореже своё «дважды два — четыре»,
притворяясь, что понимаешь, и изредка понимая.

2014

* * *

Восток зажётся, как ведётся.
Зашёлся скорой скорбный крик.
Её, похоже, не дожётся
за грудь держащийся старик.

В кабине лифта врач зевает,
не поднимая головы.
Невестка двери открывает.
Дефибриллятор. Шприц. Увы.

Ворона каркает зловеще,
как полагается зимой,
и ангел складывает вещи
и собирается домой.

2014

* * *

Ну что, душа-подранок,
побудем заодно?

Натянем на подрамок
льняное полотно,

расстанемся с постелью,
пока, стуча в висок,
артерии артелью
перегоняют сок.

Наружу точит русло
томленье изнутри,
и метят зло и тускло
пространство фонари,
и гонят пред собою
ковшом машины свет...
Давай и мы с тобою,
душа, оставим след —

какое-никакое
словцо из словаря...
Нельзя же, чтоб такое
происходило зря!

2014

* * *

У апреля тормозов нету.
Ветер за ночь измотал сосны.
За ночь снова развезло небо,
и по небу не пройти солнцу.
И ворона под дождём злая —
не летает, а орёт стоя.
И собака под дождём лает
на два тона выше, чем стоит.

2015

* * *

Хоть мир в дерьме и не в своём уме
(а он в своём почти и не бывает!),
весна забыть старалась о зиме
и нынче потихоньку забывает.

И терпкое дыхание земли
молитве благодарственной подобно.
И молятся и пчёлы, и шмели,
хоть это на лету и неудобно.

Всё молится — и липа, и осёл.
Кто стар — почаще, реже тот, кто молод.
Не молится один лишь богомол,
но что с него возьмёшь-то, с богомола?

2015

* * *

Лунный свет подрагивает на связке ключей.
Мерно кочет покрикивает молодой.
Мерно волны покачивают ковчег.
Море. Горы всё ещё под водой.

Мерно дышит бык. Мерно дышит слон.
Сон ковчег заполнил, сквозь ночь сочась.
День грядущий... Не мечу его числом:
сотворение мира идёт сейчас.

Тигры спят, с ними рядом коровы спят.
Никого никто не ест, как в раю.
Овцы спят. Медведи во сне сопят.
Я не сплю. Ночь тянется. Я стою.

Что мне сделать, всё это продлилось чтоб —
волк с ягнёнком рядом, никто никому не зверь?
Вслух молюсь, чтоб Бог прекратил потоп,
и в душе тихонько, чтоб не теперь.

Этот мир в ковчеге и Бог над ним.
Нет вражды и выбора: смысл потоп.
Бог единый со мной говорит одним —
Авраам, Христос, Магомет — потом!

И мой Хам пока что не хам, не хам —
он любимый сын, как Йафет и Сим.
Под водою звёзды и по верхам.
Между бездной и бездной мы здесь висим.

2014

Антону Яржомбеку

В туман с утра упрёшься глазом
и утешения взыскуешь...
Как хорошо быть богомазом
и верить в то, что нарисуешь!

С заломленными позвонками
под потолком изнемогая,
священнодействовать руками,
на штукатурке помогая

глазам домыслить Образ Божий
и, тронув кожей огрубевшей,
тепло почуять этой кожей,
чтоб глаз поверил оробевший.

Господь суровым иудеям,
чтоб идолов не захотели,
рек верить слову и идеям
и глаз держать в голодном теле.

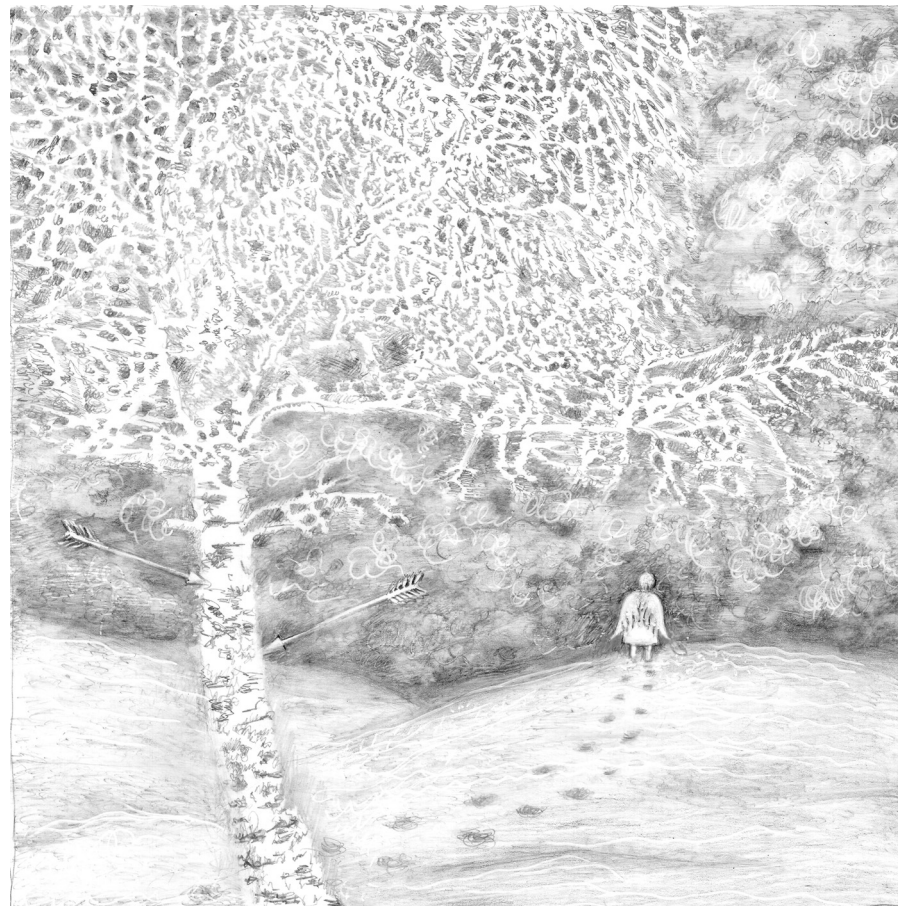
А богомазу дал отмашку
и рисовать себя позволил,
и выпить лишнюю рюмашку,
коль человек хороший нолил,
дымить прокуренную трубкой,
твердить, что это, мол, полезно,
бродить с собакой скользкой тропкой
в каких-то зарослях над бездной...

Изучен адский труд с изнанки,
и страшный ад уже не страшен.
Он вниз слезает по стремянке,
день отработан, рай раскрашен,

места срамные скрыли листья...
И Бог простит без лишних сует,
когда он дома той же кистью
свою собаку нарисует!

2014

Не изменяется сценарий

* * *

*...Курю перед картой страны,
Где все друг другу нужны.
Ольга Чикина*

Карту изрезали пацаны,
сердце кричит моё.
В прошлом страна, где все нужны,
в прошлом, где нет её.

Сердце болит, сердце сбоит.
Ромка, где взять травы,
чтоб улететь в первую треть
двадцать второй главы?

В двадцать второй каждый герой,
ну, или каждый второй.
В двадцать второй можно порой
жизнь называть сестрой.

На мостовых там столько живых —
где они и зачем?
На мостовой и сам ты живой
с ангелом на плече.

2015

* * *

Не изменяется сценарий —
лишь декорации слегка.
Лишь подновляет тексты арий
их написавшая рука.

Натужно ухают мортиры,
на авансцену гонит дым.
И молодые дезертиры
стучатся к вдовам молодым.

Война разумна ли, бредова ль,
но на войне как на войне:
и вдоволь вдов, и дела вдоволь.
И мужики всегда в цене.

10.2004

* * *

*Но что ты можешь знать о стене?
Людмила Херсонская*

...Но что, что ты можешь знать о стене?
Она внутри, а ты думаешь, что вовне.
Ты растёшь, ты читаешь, фрондируешь даже в меру,
в заданных рамках мечтаешь о лучшей судьбе,
считаешь, что поумнел и что закалился от мает,
анекдоты о Брежневе травишь или, к примеру,
о Суслове. «Как обаятельны» — это ведь о тебе,
это ведь ты — тот самый, «кто понимает».
Ты не веришь власти, ты шлёшь её на,
когда не слышат чужие. «Мели, Емеля!» —
говоришь бровастому в ящике. Но меняются времена,
и ты понимаешь, как тебя поймали.
Ты глотал наживку и глотаешь сейчас. Не спеша
присмотрись к своему отражению: и слева, и справа
с ушей у тебя свисает лапша,
и ты лапшу эту продолжаешь хавать.
...Сталин — бяка, а Ленин исправить хотел
ошибки, допущенные в начале,
он даже начал, но не успел,
точнее он заболел и ему помешали.
Гадкий Берия, симпатичный Хрущёв —
он смешной, но это даже красиво.
Да, бульдозерами елозил и много чего ещё —
но ГУЛАГ распустил и настроил хрущоб
(впрочем, за это ему по-любому спасибо).
Ты уехал на Запад, а там за стеной
тоже люди, бардак — просто дома бардак покруче.
Но и Запад этот тоже какой-то больной,
вывернут как-то весь, весь перекручен.
От зеркал кривых не уйдёшь в самоволку,
смотрят вроде, но ухитряются нечто странное видеть:
отмечают Курбан-байрам, запрещают новогоднюю ёлку,
чтобы как-нибудь мусульман не обидеть.
Взглядом слегка ошалелым вокруг себя шарю —
демократия вроде... Не худшая вроде страна и эпоха...
Хочу другого себя или другой шарик —
с этим у меня получается плохо.

08.2013

* * *

Человек — та ещё, надо заметить, скотина,
а взгляд себе самому в глаза требует напряжения.
Нужно иметь острый нос Буратино,
чтобы проткнуть ряску, разогнать тину,
чтобы взглянуть на собственное отражение.

Лучше, впрочем, иметь острый ум Страшилы,
чтобы шило в заду не таить в мешке,
чтоб подставить лицо под перерисовку, раз разрешили,
раз путь указали и злую, как говорят, волшебницу порешили,
и за счастьем отправиться налегке.

06.2013

* * *

Луна всё полнее, а дни всё длиннее —
сегодня длинней, чем вчера.
Всё звёзднее ночи, хотя и короче.
Всё сладостнее вечера.

И небо большое. И море большое.
И так же заманчива даль.
В Крыму расцветают инжир с алычюю.
В Крыму расцветает миндаль.

И солнце дробится, ломаясь о стёкла,
и лыбится каждый фотон.
И стиркой пахивает гимнастёрка,
а потом пропахнет потом.

И горбятся горы, под мартовской лаской
медвежьи расслабив бока.
И дизельным топливом пахнет и смазкой.
А кровью не пахнет пока.

03.2014

* * *

Дрозды, забыв гармонии азы,
молчат, и пахнет пылью и железом.
Иссиня-сер налившейся грозы
нависший бок над помертвевшим лесом.

И замерли все стрелки на часах,
и некое подобие одышки
растёт, пока с селитрой в небесах
мешают магний для мгновенной вспышки.

05.2014

* * *

Говорят, занятно на трон влезть.
Говорят, приятно на всех класть.
Говорят, ублажает сердца лезть.
Говорят, наполняет их хмелем власть.

Говорят, пьянит, когда прячутся, как кроты,
когда двери валятся под ударами топоров
и в визжащие женские можно влезать животы
между дёргающихся ног, а можно — штыком в споров.

Я урод. Я от счастья этого в стороне —
жуткий шар надувной этот пронеси стороной!
Власть моя над кем-то противна мне,
впрочем, как и чья-нибудь надо мной.

Я не лучше, мне ведомы злость и гнев,
не горжусь, но не жажду и, скажем так, не гожусь.
И, на лезть попавшись и протрезвев,
я ещё ничтожней себе кажусь.

Плохо верится в «смертию смерть поправ» —
лучше, может, всё же на смерть не слать?
Я не знаю, кто виноват, кто прав,
не умею ударить и зла не хочу желать.

Может, разных всё же животные мы пород?
Под себя планету не подогнать...

Я урод. Я не знаю, что означает «народ».
Я, пожалуй, этого не желаю знать.

05.2014

* * *

уж эти малоросские евреи
в германии осевшие всё мало
похоже им по-русски об украине
и днём и ночью только об украине
вздыхаешь думаешь ругаешься с друзьями
всё в ленте шаришь только об украине
сто раз в лицо дышавшей уезжайте
и мордою жидовской величавшей
куда почётней жупел современный
жидобандеровцы вот как несложно
с отринувшим тебя и отрыгнувшим
оказывается народом слиться
а главное когда из-за кордона
поскольку надо думать ненадолго
тянитолкай животное из сказки
но это всё неважно ведь неважно
а важно то что влезли обообрали
и изнутри взорвали детсадами
и женщинами прикрываясь
то что ложью такую залили
что добрый доктор геббельс
в восторге кувырывается в гробу

06.2014

* * *

И снова бред. И брода нет.
И рать на рать. И брат на брата.
И в прошлом оправдания нет.
И к будущему нет возврата.

06.2014

* * *

Экран. Глядят глаза-ножи
в глаза, как раны ножевые.
Без стёкол слепы этажи.
Не имут совести живые.

А мёртвые... Плывёт престол
в крови виновных и невинных.
Что Святославу Доростол?
И мёртвым стыдно в домовинах.

07.2014

* * *

Война гражданская в Донбассе
и интервенты из России...
В каком-нибудь десятом классе
скорей пришествие Мессии
я мог представить и понять.
Победа... «Боинг»... Поражение...
Прорыв частей из окруженья...
Ну где, где взять воображенье,
где взять мозги на это, блять?

08.2014

* * *

После ночи на нарах канудит бок.
Назубок изучен ползущий лучик.
На намордник вспрыгнувший голубок
гадит внутрь с намёком: «Приплыл, голубчик».

Мир шагами вымерен изнутри:
два на три, три на два. Маршруты оба
от зари, бывало, и до зари —
отвлекающий трюк для клаустрофоба.

Я в уме? Надеюсь, ещё в уме.
Пыль летает, и мошка в пыли летает.
В полусвет сменяющей полутьме
от решётки тень незаметно тает.

...Я ни разу не был внутри тюрьмы.
Я прибил к раю, и хата с краю.

Где граница между «они» и «мы»?
Для чего я камеру примеряю?..

08.2014

* * *

Темнеет воздух, светел водопад.
Растрёпанные пальмы треплет ветер.
На минаретах рупора вопят.
Их крики не нуждаются в ответе.

Галдит Анталья. День почти потух.
День растворился в ресторанном гаме.
И лишь на пьедестале Ататюрк
молчит у Эрдогана под ногами.

11.2014

* * *

На Кипре слои веков наращиваются.
Античные боги не изменяют позы.
В античных храмах молятся ящерицы,
жуки, кузнечики и стрекозы.

На севере в православных храмах
музеи. Бог ушёл. Остались иконы.
С годами как бы подзатынулись раны,
и всё как бы нормально, как бы спокойно.

И в Крыму спокойно. Зелёные человечки
глаз не дразнят — как кактус, к примеру, или как кустик.
Россия расположилась там, можно сказать, навечно —
в смысле, пока сама не развалится, Крым не отпустит.

А Украину всю превратят в ДНР-ы.
Процесс, правда, затягивается: укропы мешают,
и Запад придумывает какие-то санкции, какие-то меры...
Но вопрос потихоньку решают. Потихоньку решают.

11.2014

* * *

Вселенная корчится, изнемогая,
бесчинствует янки, цинично мордаст.
Но, всем помогая, страна дорогая
скорей недоест, чем позиции сдаст.

Ракетчики есть в ней, в ней есть папарацци,
полно добровольцев — и их не унять!
И титульной нации верные наци
шагают фашистов искоренять.

11.2014

* * *

Если хочется и колется,
как легко себе мирволится
с сохранением лица.
Богомолем богомолица
пообедает и молится,
чтобы мальчик был в отца.

Нет обмана, нет предательства —
есть редакции, издательства,
есть влияние извне.
Ну а так-то все мы смелые,
все мы добрые, и белые,
и пушистые вполне.

01.2015

На смерть Бориса Немцова

Пока ещё не время оно
и жизнь прекрасна и легка.
Пока ещё не миллионы —
всего лишь тысячи пока.

«Груз 200» поставляют моргам,
но март торопится к теплу,
и пипл хакает с восторгом
всё, что положено пиплу.

Находят бесов, травят бесов,
но не сжигают на углях.
Нет показательных процессов.
Не заселён пока ГУЛАГ.

Не Кампучия и не Чили,
и оппоненты не молчат.
И интернет не отключили,
хотя, наверно, отключат.

Да что там — радости бывают!
И хочется отметить, мля:
пока что прячась убивают,
хотя и прямо у Кремля.

28.02.2015

* * *

И принцип прост, и выбор стар:
Европа вялая на что нам?
Мы лучше ляжем под татар,
чем побратаемся с тевтоном.

Батый мечом нас пропахал,
Мамай засеял семенами.
Нам нужен хан. Точней, пахан,
чтоб по-паханьи правил нами.

Ссышь, Запад? То-то же! Не ждал?
Наш порох сух, и речи сухи.
А вас, блин, Блок предупреждал,
и нужно было думать, суки.

03.2015

* * *

Страхивая лапшу, непрерывно навешиваемую,
перестайшь стыдиться, что поспешил выселиться.
Театр, возможно, начинается с вешалки,
но в программе-то у него — виселица.

Каждая Кампучия начинается с Кампанеллы —
известно, чем от одного к другой дорога выстлана.
Дерьмо всплыло и окаменело.
И придавило так, что дышать невыносимо.

Не дышим. Не мыслим. Залегли. Успокоились.
Занялись пропитанием, продолжением рода.
Нам привычны анаэробный гликолиз
и долгие зимы без кислорода.

04.2015

* * *

Тоскуя в скудости эмоций,
живу, паскуда, среди фрицев.
«Ruit hora», как сказал бы Гроций,
но воз всё там, как говорится.

Всё так же тихо, то бишь скучно.
И водки не найти палёной.
На красный все стоят послушно,
а переходят на зелёный.

Здесь бездуховно смотрят порно,
а коль не смотрят, то от лени.
Здесь не встают с колен упорно,
не став сначала на колени.

04.2015

Тоledo. Фигура Дон Кихота

Он стоит бездыханно.
Взгляд как в ад из окна.
Что, Алонсо Кехана,
неужели хана?

Крыши съехали разом,
змеи жалят в овсе.
Скоро, видимо, тазом
мы накроемся все!

Озверела эпоха,
разжирела беда.
Всё и вправду так плохо?
Нам и вправду туда?

Поседевший младенец,
бесполезно шепчу:
— Я боюсь этих мельниц,
я туда не хочу.

Не соломинку, Боже,—
я об этом молчу! —
дай мне лучик, и, может,
я вползу по лучу.

Дай нам лучики — ладно?
Дай ещё нам побыть —
травоядным, нескладным,
неспособным убить.

05.2015

* * *

Всё наваливается как-то гуртом.
Не всё понимаю — видимо, онемечен.
Я маленький человечек с большим животом,
аргументировать мне нечем.

— Пронеси и избави,— бормочу на бегу,
ловлю, краснея, на слове.
Мир поймал меня по самое не могу
и не останавливается — ловит.

Май хмель зелёными гонит венами.
Рай зелёными переполнен военными.
Паромщик покрикивает по временам.

А если я не хочу мериться членами,
обмениваться пленными,
рассаживаться по челнам?..

05.2015

* * *

И в упор, как под лупую,
оказавшихся рядом
лица словом оцупываю,
мысли трогаю взглядом.

Вдруг на донце там мерзкое?
Вдруг там жало найдётся?
Вдруг личинка имперская
шевельнётся на донце?

Не искал бы — так страшно ведь
уколоться об это!
Страшно жить. Страшно спрашивать.
Страшно слышать ответы.

Это нынче не начерно:
вслед за волком волчата.
Все призывы подхвачены.
Все почины початы.

Ох и чёрная порушка,
тускла звёздная пропись!

...По вороньему пёрышку
наугад через пропасть.

05.2015

* * *

От запаха коровьего навоза
балдея, понимаю Пастернака...
А ведь в Европе и навоз свиной —
воняет, но вполне себе терпимо,
и результат конечный даже тут,
похоже, всё же от того зависит,
чем кормят ежедневно...
Иногда я
страдаю несварением мозгов —
мне, видимо, какого-то энзима,
фермента мелкого
по жизни не хватает...

06.2015

* * *

Стоны страсти со всех сторон —
человеческое цунами.
Пенье струн, гибель стран, пламя строк,
все старания мастеров...
Фараон наш Тестостерон,
мы вассалы. Ты правишь нами.
Кто тут эллин? Кто иудей?
Вновь давиды на смерть готовы
урий слать — от царей до блядей
мы бессильны. Бери и владей.
Ты владеешь. Ты полон идей.
И убийство слонов и людей
воспевают твои гумилёвы.

07.2015

* * *

Бог провёл, разделяя, линию —
где свобода и где тюрьма.
Над Россией небо синее.
За границей — сплошная тьма.

За границами вереницами
тучи — ратники темноты.
А у нас соловьи с синицами
и в канавах растут цветы.

Нам канавы родные дороги,
и не надобно нам дорог:
не пролезете, гады-вороги,
если сунетесь за порог.

Ну а нам-то свои знакомы щи!
Их рецепт вам понять пора:
приучает к взаимопомощи
увязанье по бампера!

08.2015

* * *

Всё правильно как бы. Всё сходится вроде:
и в жизни октябрь, и сентябрь в природе.

И вроде бы слово слагаешь из литер.
И вроде бы снова за окнами Питер —

осенний, прекрасный, хулимый, хвалёный,
и жёлтым и красным чуть тронут зелёный.

И храмы, как груди с соском золочёным.
И тронуты люди оранжевым с чёрным:

в войнушку играют — и горе не горе.
Вздыхая, из рая взирает Егорий.

...Гудки. Электрички. Платформа Ланская.
Несёт рюкзаки биомасса людская.

И голос гнусаво бубнит, повторяя
стотысячный раз: «Отойдите от края!»

09.2015

* * *

Пособникам убийц руки не подавать
порой так трудно, но, наверно, нужно.
Иначе дружно станем ненатужно,
пусть косвенно, но тоже убивать.

Граница, за которую нельзя,
есть, хоть и может показаться зыбкой.
За ней — убийство. Ласково, с улыбкой
держа на мушке... Пальчиком грозя.

09.2015

* * *

Соизмеряя вдох и выдох,
дышать вполсилы — до поры
какой ни есть, а всё же выход,
хоть и не выход из игры.

Дышать вполголоса, вполфразы,
дыханьем горло полоскать.
Но отравляющие газы
в себя пытаться не впускать.

12.2015

* * *

И трус, и хлипкая грязца,
и колесо скрипит, но вертится.
Но в лицах признаки лица,
и всё-таки во что-то верится.

Не хруст костей, а хруст снежка
во мгле предутреннего дворика.
Не хлопнет дверь у «воронка»,
не гонят в понятия дворника.

А может, всё же пронесёт —
сначала Пасха, после Троица?
А может, кто-нибудь спасёт
и всё наладится, устроится...

01.2016

Ещё слова остались в словаре

* * *

Сквозь хлопья крупные метели,
сквозь воздух, плотный в полутьме,
видна с пригорка еле-еле
и растворяется в зиме

лишь силуэтом, лишь картинкой:
бок колокольни, дома бок —
простая старенькая кирха,
где вечер коротает Бог.

2015

* * *

Луч пробился через тучи.
Луч пробрался через крону.
По стволу прокрался луч и
стрекозу, подкравшись, тронул,

на листе в нелепой позе
чуть колышимую ветром,
и глаза её стрекозьи
засветились тусклым светом.

Дунул ветер, сдвинул тучи,
сдвинул как-то неудачно.
Раздавил зачем-то лучик —
стало сумрачно и мрачно.

Светлячок светить раздумал —
мол, и незачем, и нечем.
Сев на корточки угрюмо,
закручинился кузнечик.

Стало всем невыносимо,
стало жутко и хреново...

Ветер дунул с новой силой,
ветер тучу двинул снова,

чиркнул лезвием зелёным
там, где более покато.
Туча брызнула озоном
с оглушительным раскатом.

Туча лопнула. Прорвались
струи ливня из прорехи.
Тут и там поразливались
неожиданные реки.

Капли, капли, капли, капли
то светились светляками,
то, участвуя в спектакле,
как кузнечики, скакали,

то кружились в шалом танце.
И, подхваченный грозою,
старый палый лист метался
молодою стрекозою.

Хляби вылились до донца.
Уползли ошмётки тучи.
Вышло вымытое солнце.
Стало сухо и пахуче.

Тополя опять при деле —
рапс покрыли слоем снега.
И, разбрызгивая трели,
льётся жаворонок с неба.

2015

* * *

Апрель и светится, и свищет,
и ломится навеселе
сквозь мух смиренное кладбище
на мутном ветровом стекле.

Земля ещё в не слишком новом,
кротами траченном меху,
но фейерверки на фруктовых
(неплохо знать бы, ху есть ху).

О Боже правый, помоги мне
впитать блаженный этот час.
В окне открытом птичьи гимны,
нога в экстазе жмёт на газ.

И я взлетаю, я вливаюсь
в круговорот ворон и трав.
И полицейский, улыбаясь,
уже выписывает штраф.

2015

* * *

День берётся за дело.
Птицы подняли грай.
Солнце встало, вскипело,
полилось через край —

без разгона до пота,
до молчанья собак.
Блещут крыши, капоты,
даже мусорный бак.

Зайчик скачет, не тухнет.
Встали мухи уже.
Хорошо мне на кухне
на восьмом этаже.

Озираю округу.
Воздух сытен и спел.
Громко любит подругу
голубь. Кофе вскипел,

всё вокруг заливает —
прямо солнцу под статью!
Так порою бывает,
если вовремя встать.

2015

* * *

Подобно электрическим разрядам,
трещит с антенны птах. Его старанья
свист прочих обрамляет — строго в теме,
рождённой стайкой нот на проводах.
Огромный мух буквально с ухом рядом
на бреющем — как для бомбометанья —
ревёт, влеком варенья тяготеньем,
и с неба фуге радуется Бах.

Взлетает мух до ля второй октавы,
помельче мушки забирают выше,
пичуга заливается на крыше,
и шмель гудит, пропеллеры крутя,
и солнце светит басом величаво
и замолкать не хочет ни в какую,
и что-то бессловесное воркует
сопливое соседское дитя.

Воспитанный уютный Рейнланд-Пфальц,
разбомбленный и сложенный по новой,
весь в виноградниках бескрайних и вино
производящий, но, хотя и пьющий,
не пьяный. Где не сажена лоза,
там лес по склонам, как из-под руки
придворного цирюльника. Здесь птицы
с утра орут негромко, соблюдая
предписанный в стране ночной покой,
и голос приглушает свой пчела,
доющая под туей на полянке
наполненную соками ромашку.

Паук, так тот и попросту молчит,
развесив сеть свою в тени и поджидая
нахальных крепких мух...

И только мухи
таращат нагло красные глаза,
мotaются, бескомплексно орут.
А то, гуляя по моей руке,
свои непринуждённо потирают
и кожу мне щекочут хоботками.
Они с бесцеремонностью своей,
с весёлым равнодушным любопытством
мне кажутся на фоне остальных
здесь выходцами с Ближнего Востока.

2015

* * *

Суховой. Ветвей маханье. Муравей устал от странствий.
Мхи и мухи. Пролетело что-то где-то. Рай земной.
Между мухами и мхами есть престранное пространство,
занимаемое телом, называемое мной.

В том пространстве непрозрачном бродят призрачные думы,
каплет желчь в кишку, в желудке мерно плещется коньяк.
Я смотрю из тела мрачно. А вокруг меня угрюмо
пауки, легки и жутки, ловят мошек-бедолаг.

Я им меседж посылаю: с вами, мол, одной породы!
Грешен: ножку съел цыплёнку, потихоньку прочих ем.
Вас не гложет совесть злая? Ловят мух в ответ, уроды.
Всё в душе у них не тонко. Или нет души совсем.

Где взамен души рефлексy, нету места для рефлексий,
то есть совесть неуместна. Как быть мне, раз совесть есть?
Лес вокруг, законы леса. С ними спорить бесполезно.
Остаётся выбрать место, сесть, вздохнуть, кого-то съесть.

2015

* * *

А на балконе деревянный шкафчик —
не так давно в нём поселились осы.
Я видел, в щёлку от висящей косо дверцы
они ползком то входят, то выходят,
но внутрь не лазил до тех пор, пока не вышел
за сумкою и настезь обе дверцы
не распахнул. Как раз посередине
под потолком за планкою междверной,
как ласточкино, только посветлее,
гнездо висело. А передо мной
рассерженно, десяток за десятком,
взмывали осы.

Вызванный пожарный
гнездо опрыскал чем-то деловито,
мешок подставив, снял и расписаться
велел, а после с мёртвой маткой
гнездо унёс.

Последние растерянные осы
пытаются понять, что делать дальше,
и бестолково тычутся в мой шкафчик...

Ос не люблю. Они жужжат и жалят.
И у жены на яд их аллергия.

Всё так, но с появлением гнезда
настырных ос как будто подменили:
почти застенчиво, стараясь не шуметь
они тихонько занимались делом,
вползали, выползали, ни одна
(сейчас лишь понял) в дом не залетела.

Но шкафчик всё же мой, в нём ведра, сумки,
и всё-таки жена и аллергия —
ведь, было дело, пару лет назад
в больницу мы примчались на пределе...

Так почему мне нынче так херово?

2015

* * *

На балконе хлама свалка:
шкафчик с древнею посудой,
наверху горшки пустые.
Мухи редкие снуют.
Рядом по полу вразвалку
ходит голубь — гадит всюду,
бьёт отнюдь не холостыми.
Создаёт себе уют.

Обустриваясь прочно,
лихо гадя по дороге,
ходит голубь по балкону
и любовницу зовёт.
А в пустом горшке цветочном,
потеряв на службе ноги,
полимерная ворона —
в прошлом пугало — живёт.

Вот встречаются глазами:
«Что, подруга, дело худо?
Не пускала нас, паскуда,
во владения свои?
А теперь я тут хозяин,
и теперь тебе на темя
буду гадить я всё время
и товарищи мои!»

Поднатужилась ворона —
может быть, поймала ветер —
и на спину негодяя
повалилась из гнезда.
Нанести врагу урона
не могла, бедняжка, этим,
но, от страха причитая,
он умчался навсегда.

Есть закон — простой и строгий:
надо в бой идти отважно,
и тогда, глядишь, порою
враг бежит, судьбе не рад.
Будь ты старый и безногий,
будь пластмассовый — неважно!
Настоящему герою
нет для подвига преград!

2016

* * *

Жене Ланцберг

Покуда плясали вокруг котильон
и ветер был страстен и лжив,
летучая рыба варила бульон,
в кастрюлю себя положив.

Кому-то вручали любя медальон,
кого-то терзали любя...
Летучая рыба варила бульон,
варила бульон из себя.

У этих от танцев кололо в боку,
у тех разболелся висок.
Летучая рыба варилась в соку,
всю боль трансформируя в сок.

За запах уху прославляли одне,
другие за вкус и букет.
Летучая рыба лежала на дне
и думала: «Выхода нет».

И вдруг чешуёй ощутила она,
что быть не готова едой.
Она оттолкнулась крылами от дна
и взмыла над всей ерундой.

И ливень бульонный посыпался с крыл,
и сделался в мире потоп —
бульон перелески и горы покрыл,
но рыба воскликнула: «Стоп!

Невинны все люди, все твари! Мой Бог,
потопу вели перестать!
Я к ним не приду за отсутствием ног —
позволь мне над ними летать!

Я сброшу свою чешую-шелуху,
мой замысел ясен и прост:
в созвездии Рыбы сварю я уху
из самых изысканных звёзд.

От варева этого станет светлей,
и мир будет светом храним.
И в гости ко мне прилетит Водолей
и явится Овен за ним.

И рифмы на запах слетятся туда
и сложатся сами в стихи.
И будет Господь забредать иногда —
отведать небесной ухи».

2015

* * *

Ещё слова остались в словаре,
и, в акварель тумана на заре
втыкая взгляд, смотреть на цветоряд
не надоело день за днём подряд.
Смотреть, как в школу пилит мелюзга,
как на ветру шевелится лузга,
смотреть, как ветер к нам издалика
мутоновые гонит облака.

И всё ж, пока играешься в слова,
жизнь бабочкой слетает с рукава
и, выполняя новый пируэт,
цедит насмешливо: «Адъё, поэт!»
И влагой наполняются глаза,
и линзою становится слеза,
и явственней для глаза по утрам
на жизни постаревшей каждый шрам.

Она дрожит и пляшет на ветру,
она блажит всё чаще поутру,
и я, подняв привычно белый флаг,
прошу её вернуться за обшлаг.
Не уходи, родная, погоди,
не читаны страницы впереди —
там в основном про старость и про боль,
но это всё равно про нас с тобой.

2015

* * *

Бессонница. Жара. Обвисли паруса
безветренной и бездыханной ночи.
Взамен Гомера гомерическое ржанье
гормонами гонимой молодёжи.

Не спится мне, а этим не до сна,
у них весна, а у меня таблетки
и липкий, потный, перезрелый август.
И нету сна. Какая всё же наглость

орать под окнами старательно ночами!
Почти как я каких-то сорок лет тому...

2015

* * *

Когда стошнит от гладкостишья,
клавиатуру отшвырнёшь
и пожилой нетрезвой мышью
неслышно в сумерки нырнёшь...

Там ветерок погладит по лбу.
Там вечер звёздами зачат.
Там лес и дол видений полны.
Там девы юные торчат

и лущат семечки с парнями,
тебя измерив свысока,
как будто главное поняли
и даже поняли слегка.

Раскрыв раскрашенное око,
визжат, хохочут — оттого,
видать, что не читали Блока
и не читали ничего.

Не порченные интеллектом,
не рефлексируют, жуют...
Снуют коты. Тепло, как летом.
Царят гормоны и уют.

Лишь ты линиялым Черномором
младого племени кольцо
извне пронзаешь жёлчным взором
и прячешь в бороду лицо.

2015

* * *

Привет тебе, дружище интернет,
как всё же друг от друга мы зависим!
То ты завис, то я в тебе завис, и
не тянет вырываться из тенет.

Спасенья нет. Взамен вселенских высей
засасывают города и веси.
Боролся — выключил тебя и высек
себя вчера. А утром — вот он весь я:
ты, кофе, а иначе утра нет.

2015

* * *

Мы загнаны в углы и голы,
хотя одеты.

Мы отвердевшие глаголы —
филолог, где ты?

Склоняй, спрягай, дели на слоги,
члени на части...

Головоноги осьминоги,
и каждый счастлив.

2015

* * *

Сбежал из речи в речь чужую
и что-то силишься изречь.

И просыпаешься в поту:

язык заточен не под ту,

и ты его не переточишь.

Ты, если очень уж захочешь,

слова заставишь в рифму лечь,

но суть не в рифме. Всё впустую.

И над тобой смеётся речь.

2015

* * *

*Всё только начинается. Пока
мой мозг питают корни языка,
в гробу я видел вашу за границу.*

Андрей Чернов

Вольно тебе, однако же, Андрей
наш Юрьевич, корнями прорастая
в истоки Оредежи, из неё исток
беря, ворчливо видеть за границу
в гробу. А перекасти-поле,
как ни вращайся, опять с корнями вырвут
или сожгут. И внуки не найдут —
искать не станут (если будут внуки).

Куда вращаться? Ведь Тит и Адриан
две тыщи лет тому перепахали
так землю с домом, храмом, языком
и предками, что носим по земле

язык с собой. Какой? Вопрос эпохи,
и русскому не больше поколенья,
глядишь, осталось. Перекасти-поле
катается, и сыплется семя,

и удобряет почву по дороге,
и языки осваивает, в них привычно
свою вливая сперму кочевую.
Хотя, похоже, наступил этап,

когда, с водой из люльки вылив Бога,
язык, традиции, мы перестали
быть тем, чем были, и остались только гены,
которые послужат удобрением

неважно для кого, и то, что Тит
не завершил — хотел, а не доделал,
точнее, не добил, — теперь добились
(отчасти) Карл Маркс и иже с ним.

Остались, впрочем, те, что возвратились,
что поднялись и снова собрались
в земле, как говорят, обетованной.
Я не доехал, хоть и собирался.

А нынче, едь не едь, а только дети
уже не там. Они уже другие,
и их не заманить. И он абстрактен,
конкретный мой Израиль, для меня.

Россия ж, например, и Украина
(хоть мой язык мне родина до смерти)
твердили с детства мне: мол, убирайся
в Израиль свой. В итоге я убрался,

но всё-таки, похоже, не туда.

2015

* * *

Ноябрь сумрачен и мглист,
порывы ветра.
Я тоже пожелтевший лист
на жизни ветке.

Одни товарищи висят,
летят другие.
Вороны в кронах голосят,
и ностальгия.

2015

* * *

Город скуласт и оскален.
Осень — пустая тюрьма.
Смытые лица мазками
сквозь акварельный туман.

Галочья горечь повсюду,
гаечный сорванный смех.
Осень пустую посуду
хмуро готовит к зиме.

2015

* * *

Новый год... Вроде плюс, но машины засыпаны снегом.
Сырость сеется с неба, висает на уровне глаз —
пар ли, сумрак ли, мелкая морось ли, смог ли...
Воеет воздуходувка, все прочие певчие смолкли.
В липкий зыбкий комочек, озябнув, сжимается эго.
Псы понурились, люди продрогли, деревья промокли.
Даже музы замолкли — похоже, бедняжки, простыли.
Не слышать голосов, вопиющих не стало в пустыне —
лишь безумный бензиновый глас.

2016

* * *

Я расту ещё, дорастаю.
Может, год ещё не растаю.
Не растает, может, ещё
мир, заваренный горячо.
Бог, подсвеченный вполнекала,
отложивший своё лекало,
перелистывает, слюня...
Смотрит пристально на меня.

2015

Жене Вишневскому

Ко мне слетает птица первой ноты...

*Прозрачный, очевидный, как стекло,
Внезапный смысл...*

Арсений Тарковский

И я старпёр, и оба мы старпёры,
тапёры мы, а фильм уже озвучен
певучими детьми, и мы, тапёры,
подыгрывать пытаемся певучим

как можем, и прозрачный, как стекло,
внезапный смысл, стирающий длинноты,
звучит, когда хромает тяжело,
взлететь не в силах, птица первой ноты.

И я старпёр, и оба мы старпёры,
и ветер треплет бороды, и трепет
в ногах. И женщины на нас кидают взоры.
А не кидают — так, по крайней мере, терпят!

Нас терпят семьи, терпит Бог пока
и даже позволяет нам пророчить,
ворчать, бурчать и камни языка
на языке и за щекой ворочать.

2015

Андрею Чернову

Когда томленья не унять
и тщетно силишься понять,
очередное божество
и окружение его
в чём подражательно, чем ново,
и так тоскливо, что не снести,
спроси Чернова — у Чернова
на это всё ответы есть.

Спроси Чернова — у Чернова
на это всё есть антидоты.
Он дней минувших анекдоты
хранит и знает без числа:
впрямь был ли мудр Ярослав,
и Святополк был окаян ли...
И глина с берегов Каялы
к его ботинкам приросла.

Монументален, целокупен,
избыточен и неподкупен,
зрит и творит неутомимо,
неравнодушен и раним.
Своей Натальею храним,
лишённый и гримас, и грима,
сидит весомо, грубо, зримо,
и даже можно выпить с ним!

Своей Натальею влеком —
не за плечом, а у плеча
хранитель. При подобном муже
сей ангел правильней всего.
А муж выходит на балкон,
сидит, дымит себе, не тужит.
И подтверждает: будет хуже —
и что с того, и что с того?

2015

* * *

Когда ночь подползает к утру,
я поверить, что тоже умру,
опасаюсь. Я ногу
онемевшую тру, и к стране,
где жена проживает во сне,
я ползу понемногу.

Вот лежу я, прижавшись к жене,
вот я в ней, а она вся во мне,
мы как будто монада
с оболочкой непрочной. Шепчу:
«Пусть останется так! Не хочу!
Не дели нас! Не надо!»

От вечерней зари до утра
мастерят новый день мастера,
мастерят мастерицы
из подручного хлама. Следит
сам Господь и, хотя не сердит,
костерит, матерится —

для порядку: мол, я начеку!
От станка переходит к станку,
чтобы брака поменьше.
За станком проверяет станок —
там поправит сверло, там челнок.
Привечает умерших.

Примечает, что время вставать,
видит, как проплывает кровать —
шатко, утло.

Я дремлю. Ты проснулась давно.
Бог ворчит и стучит нам в окно:
«Солнце! Утро!»

2015

* * *

Просыпайся, дорогая!
Некто утро создаёт!
Некто тучи раздвигает!
Некто солнце достаёт!

Некто благ — исполнен блага
мир, цветок и человек!
Благодарственная влага
вытекает из-под век!

Как прекрасен этот некто,
трепет век, румянец роз!..

Недержание аффекта.
Возраст. Атеросклероз.

2015

* * *

Как же трудно в тело влезть поутру.
Я виски ему ладонями тру.
Сердце прыгает в груди, как птенец.
Открываются глаза наконец.

Начинаю оживать по чуть-чуть.
Вот опять уже чего-то хочу.
Вот бреду уже, согнувшись в дугу,
руки-ноги даже двигать могу.

Руки кофе варят, а голова
выметает из подвала слова,
поворачивает, ставит торчком,
ловит рифмою, как будто сачком.

Под рукою на пространстве листка
за строкою возникает строка.
И по коже холодочек бежит.
И, похоже, можно жить, можно жить.

2016

Штутгарт

Этот город, взбирающийся на холмы,
сотворивший Гегеля и автомобиль,
то есть в сказку перековавший был,
персонажи которой сегодня мы.

Этот город, перебинтованный ста дорог бинтом,
город, командующий губам: «Никаких зевот!»,—
рифмующийся со словом «стеклобетон»,
со словом «банк» и со словом «завод».

Этот город, строящий свой вокзал
всем назло, а вот на добро ли — не разберёшь пока.
Пока он лишь недра поотверзал —
куда ни глянь, экскаваторная рука.

Этот город, этаж воздвигающий на этаж,
город, не останавливающийся на рубеже,
энергичный, берущий на абордаж...
Я, пожалуй, для этого города стар уже.

2015

* * *

О преподобный Ной, ты не пустынный, но
ты тоже был, ты тосковал в пустыне
морской, ты птичек слал...
Пей чай свой травяной,
пустырник свой. Довольствуйся простыми
напитками. Не обнажай свой срам,
будь сдержан, трезв, не провоцируй Хама,
чтоб не проклясть его...
Не смог?
Ну что ж, носи свой шрам,
неси свой крест, свой мрак — опасен хам,
проклятием исторгнутый из храма,
лишённый всех азов и тормозов,
любви твоей отеческой лишённый.

Не проклинай его, умалишённый!
Ударь его! Найди слова! Суров
с ним будь, но не сели в отчаянья пустыне!
Одумайся! Со временем остынешь,
решишь позвать — он не придёт на зов.

Не проклинай, постой, ладони опусти,
прости его, на первый раз прости
и возлюби. Люби его без лени,
и, может быть, он сам лицом в колени,
раскаявшись, как блудный сын, падёт.
Ужели ты не видишь, что грядёт?

Он расплодится, от него родится
несметный род нелюбленных сынов,
лишённых и надежды, и основ,
забытых Богом и забывших Бога.
Им только в грех, им в блуд и в кровь дорога...

О преподобный Ной, твой допотопный мир
был не добрей, но шансы были выше.
Ты выжил, выплыл, из ковчега вышел,
но вышел из себя — и вот итог.
Не слать потопа обещавший Бог
не справится с итогами проклятья.

К тебе в шатёр приполз бы умолять я:
пока не поздно, обними, прости,
дай подзатыльника, но обними сильнее
и посоветуй просто быть умнее...

Ты можешь и его, и нас спасти.

2015

На смерть Эльдара Рязанова

Когда человек большой —
и телом большой, и душой,—

снег эпохи вокруг него тает,
места ему не хватает.

Когда он, поругиваясь и сопя,
в эпоху впихивает себя,

когда в ней грузно ворочается,
эпоха, такая прочная вся,

трескается. В неё он не помещается
и, уходя, не прощается.

2015

* * *

Мише Креславскому

Ты помнишь, как пел песок под ногами,
когда мы с тобой спускались по склону?
Ты помнишь, как птицы нам помогали,
как даже ящерицы не убегали,
а нам позировали благосклонно?

Как пел песок! А дело лишь в Мишке!
Монтеррейские сосны с хвоей густою
он подарил, просто едучи мимо,—
Мишка ведь дарит неутомимо,
с Мишкой и мимо проехать стоит!

Я знаю прекрасно, что мы не такие,
что мы не для Штатов — там всё нам слишком.
Но на досуге, но в отпуск... Какие
дюны, секвойи... А львы морские!
А псевдотсуги! И, главное,— Мишка!

2015

Виктору Гагину
(точнее, как бы от его имени)

Я географию знаю не понаслышке:
то замирая, то прыгая резко вбок,
я докатился — мне это даже слишком! —
от Воркуты до Штутгарта, как Колобок.

Волки отстали, лисы пока не съели,
годы летели с раскладкой по голосам.
Чёрною ночью орали вороны с ели.
Белою под гитару орал я сам.

Что-то сверлит меня с юности или с детства,
что-то срывает, что-то носит меня.
Что-то врывается — мне никуда не деться! —
что-то о чём-то просит день ото дня.

Это порой вдыхается со стихами
и не стихает — льнут аккорды к словам.
Что-то ласкает, что-то не отпускает,
что-то клокочет, хочет прорваться к вам.

Есть на планете, как сказано, город Питер,
львы неподвижны на каменном берегу.
Я тротуары до дыр подмётками вытер,
что-то искал, а что — сказать не могу.

Вот оглянусь — Светлановский, Тихорецкий.
Вехи эпохи среди утех и потех.
Вот я с гитарой — усатый, завзятый, резкий.
Вот поутих и топаю в Политех.

Вот «Беломор», Нева, белоночный Невский —
как бы дружки, подружки, гормоны, спирт...
А поговорить на поверку-то как-то не с кем:
все о своём, как обычно, а город спит.

Все о своём, и всё как будто как надо.
Всё я мечусь и всё куда-нибудь мчусь.
Питер, Череповец, Воркута, Канада.
Всё я кричу, и всё я не докричусь.

Просто ведь, если вдуматься, всё так просто!
Как разнести мне по миру простую весть?
Видимо, просто мне не хватает роста.
Видимо, просто надо повыше влезть.

Выйду под утро — воздух дрожит упруго.
Плачет пичуга, начал восток алеть...
Люди, давайте просто любить друг друга,
ну, не любить, так, может быть, хоть жалеть.

Мы в этом мире встречаемся ненадолго —
лошади, кошки, люди и соловьи.
Всё это в долг без шансов отдачи долга.
Разве что песни петь мы можем свои.

Крутится шарик, всех нас поразносило,
кто-то в мире ином, я в иной стране.
Всех разнесла центробежная эта сила..
Граждане! Это просто невыносимо!
Граждане, я начну, вы подпойте мне!

2015

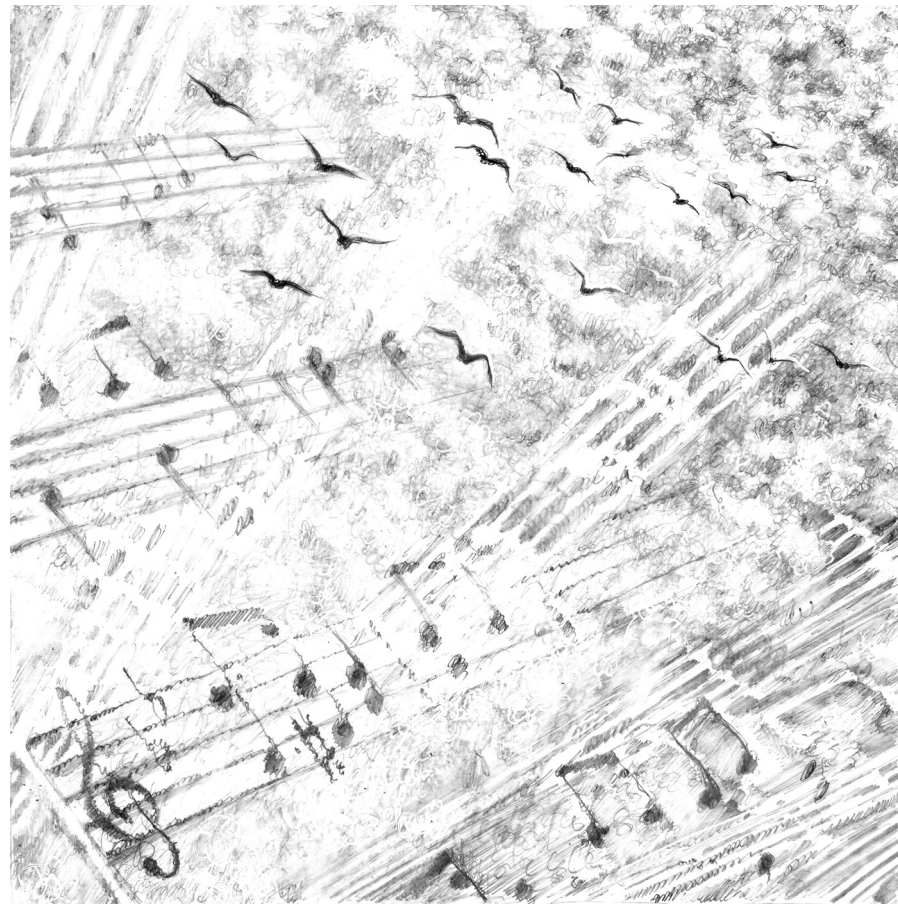
* * *

Бессонница, Гомер и томик Мандельштама...
Прочёл охотно списки бы и я —
данайских кораблей, стремившихся упрямо
принести погибель городу Приама,
и опечаток в Книге Бытия.

Увы, увы. В отпущенные сроки
не дочитать, не долюбить, не до...
Неважно что. Точнее — всё! Уроки
не доизвлечь. Не долениться. Строки
не дострочить. Останется гнездо,
где ты птенцом барахтался однажды,
и склон, где становился на крыло,
и след твоей неутолённой жажды,
и та вода, в которую ты дважды
войти пытался, но не повезло.

2015

Знать, от Бога музыка любая

* * *

Город дым гонит вверх,
как курильщик сквозь трубочкой губы,
трубы держат его,
как жонглёры, на кончике пальца.
Кот хвост поднял трубой
параллельно и трубам, и дыму —
мол, посмотрим ещё,
что прямее и что вертикальней.

Иней, снег и туман —
для Творца матерьял благодарный,
парный след от саней,
пар на выдохе, пара прохожих.
Счастье, похоже,
лепится просто и быстро.
Быстро и тает оно,
но мы помним его послевкусье...

2016

Жене Логвиновой

День неопрятен и сыр,
на Староместской часы
дремлют.

Гадят толпой на карниз
голуби так же, как из-
древле.

Капли по пальцам секут,
каплют избытком секунд
стрелки.

Хляби. Скопление вод.
Голуби прячутся под
стрехи.

Мог бы быть аист добрей,
но прилетел в ноябре,
вот и
питерский дождь-отпускник
в Прагу проник и проник
в ноты.

Нас не сломить пустякам —
лечит глинтвейна стакан,
греет...

Совы Сосноры во сне
ухаю: где, мол, весне —
где ей!

Струны усталые спят,
ноты в рояле сопят
дружно.

Нужно весёлые сны,
нужно дожить до весны.
Нужно.

2015

* * *

О где ты, где, гневное время,
младое племя, гвоздь в заду,
когда стучало семя в темя
и гнало делать ерунду

и в жизни делать опечатки,
когда спасало, что нальют,
когда на лестничной площадке
ты находил себе уют,

когда всегда считал, что в теме,
из кожи рвался и из жил,
дружил и с этими, и с теми,
а главное, с собой дружил,

кружил знакомыми местами
и приключения искал,
и разведёнными мостами
тянулся город к облакам,

когда с приятелем из клуба
позорно ноги уносил
(оставил шляпу и ползуба
и шляпы больше не носил),

когда метал пред всеми бисер,
мечтал охотней, чем читал,
когда не донимали мысли
о скорой плате по счетам,

когда плевал на слово «удерж»,
минуты тратил и года,
когда не знал, что нынче будешь
твердить: «О где ты...» и «Когда...»?

2016

* * *

*Всё, в общем, честно: дорог и дорожек много.
Можно стоять, но уж если двигаться, то по одной.
Я выбираю, в какого мне верить Бога.
Бог выбирает, как поступить со мной.*

Мы слепки двойной ДНК спирали.
Мы слепы, и нам не помогут брайли.
Мы по подобию своему убого
лепим недоброго психопата Бога,
навешиваем на него всё, что случается...
Беззащитный Бог, видимо, огорчается,
видимо, руку с ремнём поднимает
и... опускает. Он понимает,
что закон его строгий — по сути дышло,
что модель в итоге дурацкой вышла.
Он не очень нас любит — жалеет просто,
как отец ребёнка с врождённым уродством:
изучает дефектологию, ремень откладывает, сдерживается...
И не вмешивается, ни во что, похоже, не вмешивается.
Ну, а мы всё пихаемся — чей, мол, бог круче,
всё не каемся, всё раздвигаем тучи
и пытливо взор подъемлем горé.
Но Бог не участвует в нашей игре.

2016

* * *

*...Уж если кто суетлив — это ты, несносный старик,
стучишь в пустоту, мёртвый старик, не покладая рук...
Борис Херсонский*

Заносит, заносит, заносит листвою,
но листья сгребают пока.
Таблички латунные вдоль мостовой
пока не истёрли века.
Экскурсии в гетто. В Треблинке музей.
Найдя под ногой письма, в Берлине, возможно, смахнёт ротозей
листву и прочтёт имена.
Всё сделано вроде. Бледнеет луна.
Под утро томительней тьма.
Покой. Надоела невинным вина
за три поколенья весьма.
Чуть ниже Венеры горит минарет,
горит маяком до утра.
Петух прокричал. Это значит: в ответ
кричать муэдзину пора.
Спокойно и тихо. Легко на душе.
Предутренний сонный уют.
Над Герцля горою застыл Яд ва-Шем,
шакалы в овраге поют.
Всё дальше — настолько, что не разглядишь, —
те трупы, те трубы и дым.
И мёртвый по мёртвым читает кадиш
негромко, чтобы не помешать живым.

2016

* * *

И не посадил, и не построил.
А родил — так дело ведь нехитрое!
Не сумею жизнь назвать сестрою —
не посмею. Разве только выкрою
из обрезков, из воспоминаний,
из иной словесной всякой ветоши
что-нибудь. Покрою именами, снами.
Наведу побольше ретуши
и повешу на стену в прихожей
рядом с разным прочим. Я пытался
сделать, чтобы кто-нибудь похожий
на меня после меня остался.

2016

* * *

Я гниющий плод на засохшей ветке,
не сулит мне выгод приход Мессии:
не осилил ни Новый завет, ни Ветхий
и уже, по-видимому, не осилю.
Худо будет, если воздастся по вере!
Вера моя дискретна, вместо знаний — обрывки.
Я заглядываю в окна, приоткрываю двери
и жду пришествия золотой рыбки.
Но меня радуют виды, женщины и всё прочее —
мне пока что не надоела экскурсия.
А ещё я слова во рту языком ворочаю,
и мне нравится послевкусие.

2016

* * *

Перья пальмы, вставленные в вазу ствола,
раскачиваются над головой.
Жизнь отличается на островах.
Цивилизации вой

слышен, но, над океаном успев ослабеть,
доносится как в кино.

От всех страстей и от всех скорбей
не освобождаешься, но

страдаешь лениво, подстраиваясь под
ленивый собачий брѣх,
считаешь волны, бегущие по поверхности вод,
и задрѣмываешь после трёх-четырёх.

2016

* * *

Крот ночью выбрался из недр
и тут же встретил выдру.
Крот грязен был, небрит и сер,
за что был выдрой выдран.

Но лишь забрезжила заря,
был брак скреплѣн сорокой —
ведь выдры сразу в корень зрят,
а крот в корнях был докой.

2015

* * *

В восторге петух от цыплёнка:
«Не сын, а сокровище, братцы!
Уже кукарекает звонко!
Уже порывается драться!

И крыльями машет, как папа!
И требует корма упрямо!
И пишет, как курица лапой —
как взрослая курица прямо!»

2015

* * *

Мамонтёнок маме поет:
«А вот тигр лап не моет!
Он сегодня скушал зубра
и не чистил саблезубы!»

Мать в ответ: «Смешно и стыдно
мамонту пример брать с тигра!
Тигры вымрут! Слушай маму,
чисти бивни, мой упрямый!»

2015

* * *

Жизнь комара — мечта поэта:
жена по большей части где-то,
и кровь сосёт она к тому же
на стороне, а не из мужа!

2016

* * *

В стране ураев и сервилей
все телевизоры любили,
ещё «ура!» кричать любили,
не опуская головы.
И лишь смешной зверёк увыдра,
укрывшись под корнями кедра,
посмотрит три-четыре кадра
и целый день: «Увы! Увы!»

2016

* * *

А если цель творенья — тля
и эволюция петля?
И не о нас, когда в котле
мешал, Бог думал, а о тле?
А мы здесь, Господи прости,
чтоб до абсурда довести
цивилизации идею?
И смысл жизни, чтобы, ею
не дорожа и не дрожа,
ползти по листьям бездорожью
и есть, чтоб, полнясь до краёв,
коровой стать для муравьёв
и пищей для коровок божьих?

2016

* * *

Пока подкрашивала губы
весна, мороз ударил с тыла.
Мороз под утро стиснул зубы,
земля безжизненно застыла.

Ландшафты сделались пустынной,
зима прикинулась зимою,
и для подчёркивания линий
лёг иней чёткою каймою.

Но лес — он времени не тратил:
деревья у тропы толпились,
дотошно дятел колошматил,
личинки, слушая, молились.

Косули хрустнули. Я замер.
Одна в кустах почти что рядом
со мною встретила глазами
и посмотрела влажным взглядом.

Невыразимая осанка...
Глаза армянского разлива...
И я, поняв, что это самка,
тряхнул рогами горделиво.

А солнце пряталось за склоном,
разогревалось и копилось,
прислушивалось благосклонно,
но вылезать не торопилось.

2016

* * *

За окном больницы небо,
снежный хлопок, ночь и окна.
Ночь прядёт из хлопьев снега
узловатые волокна.

Фары светят осторожно,
их залепливает манна.
Месяц ножик спрятал в ножны
и не вышел из тумана.

В тёмном месиве бездонном
звёзд зарыты вереницы,
до которых, чем из дома,
ближе всё же из больницы.

В снежной гуще вещи проще,
мир незрим, но осязаем.
Между звёзд плывёт на ощупь
дед Бабай за дед Мазаем.

Ночь придвинулась к палате,
и из недр её болидом
Дед Мороз летит в халате,
притворяясь Айболитом.

2016

* * *

У Эрота лысина проглядывает из-под парика.
Золушки с годами уподобляются мачехам.
Поздний мальчик превращается в раннего старика —
кряхтит, но упрямо ощущает себя мальчиком.

Привыкает кряхтеть, привыкает болеть,
но клавиатура терпит, и терпит бумага.
Злая Фортуна замахивается, сжав в руке плеть,
вскрикивает и выпускает плеть из руки: люмбаго!

2016

***Барлах. Распятие.
Церковь св. Елизаветы, Марбург***

...Он как бы и не спорит с веком,
что измотал и изнурил.
Лицо, обугленное светом,
наружу бьющим изнутри.

Мрак раскрывается, и кара,
и кровь, и крики палача,
и крылья жёсткие Икара,
крестом приросшие к плечам,

в нём остаются. Меркнет тело.
И боль. И остаётся свет.
То, что осталось, опустело,
но больше, выше то, что сверх.

И то, что зло не убывает,
что паства вслед за палачом
к кресту привычно прибывает,
забыв, зачем он и о чём,

больней гвоздей. Но ждёт планета,
и суть не в том ведь, что воскрес.
И так ли важно, Бог Ты, нет ли,
когда Ты сделал шаг на крест.

2016

* * *

Гормонов мешанина. Творец неутомим:
допьёт серотонина, сольёт мелатонин.

Чуть-чуть — и мы хохочем, чуть-чуть — и всё не то.
Дни превращаем в ночи, а ночи — в чёрт-те что!

Куда ни глянь — гормоны, рефлексy, то да сё...
Конечно, всё дерьмо, но не всё дерьмо, не всё!

Эпифиз ли, гипофиз, другая железа —
мне, извините, пофиг, когда дрожит слеза,

когда, забыв про сроки, про сон и про покой,
строчу вот эти строки неверною рукой!

2016

Эйлат

В лицо настырно лезут мухи,
по пляжу мечутся два пса.
Российский мат роится в ухе,
в другом ивритская попса.

Зато нырнёшь, прервав потенье,
и станешь зыбок и глубок.
Медузу узнаёшь по тени
на дне и забираешь вбок.

И замираешь у коралла,
успев нажать на тормоза,
когда в прозрачное забрало
уткнулись тусклые глаза

на толстой морде цвета ила —
в них беспечальная печаль.
Морских ежей чернеют иглы —
будь осторожен, не причаль!

Коралл корою мозга скатан,
торчат рога поверх всего.
Морской петух висит над скатом,
трепещут перья у него.

Морская бабочка летает —
следить за ней не устаёшь,
и форму шара обретает,
раздувшись грозно, рыба ёж.

Стоит поодаль барракуда
и взглядом общество грызёт,
всем видом говоря, паскуда:
«Кому-нибудь не повезёт!»

...На берег выползешь, на пузо
падёшь, вползёшь со света в тень
и неподвижный, как медуза,
лежишь и впитываешь день.

2016

* * *

Сон. Господь, сомлев в саду,
на меня решил поставить.
Я по времени бреду.
Мне дано ошибки править.

Рву нещадно корни зла,
жизнь помарки удалила.
Глядь, Самсону не дала,
образумившись, Далила.

Каин брата возлюбил —
раз-другой ругнулся, щерясь,
но не бил и не убил,
уронил ишачью челюсть.

Ева яблоко не ест,
мужа дёргать перестала,
да ещё в один присест
снова девственницей стала.

Равнодушные к плодам,
безобидно спят у древа
безлибидный хвощ Адам,
безлибидный овощ Ева.

Вот и Змей лишь поворчал
и в тоске из рая дунул.
Вот Всевышний заскучал,
землю создавать раздумал.

Воды слиты. Свет потух.
Тьма под твердью бесполезной.
Всё пристойно. Божий дух
сонно носится над бездной.

2016

* * *

*Так вот она — настоящая
С таинственным миром связь!
О. Мандельштам*

Мне давеча сон подобрали:
звучал незнакомый хорал.
И был я не то чтобы в храме,
но в чём-то похожем на храм.

Там стены как будто дышали.
Там мысли умерили прыть.
Мне люди сначала мешали,
пытавшиеся говорить

о чём-то стороннем со мною.
Но я, обнаруживши лаз
меж занавесом и стеною,
тихонько укрылся от глаз,

прижался к стене головою
и выдохнул воздух до дна.
Стена показалась живою,
точнее, не только стена.

Плыл звук. Я притронулся к звуку,
и звук накатил, подхватил.
Я как бы прохладную руку
узнал и на лбу ощутил.

Словами едва ль передашь, но
сомненья, грехи, синяки —
всё сделалось как-то неважно
в присутствии этой руки.

Всё так, но как будто иначе —
не то чтобы все прощены,
но всё это мало что значит,
и, может быть, нету вины.

И нет ни неверных, ни верных,
не рай и не ад впереди.
Есть только дорога, наверно,
и, хочешь не хочешь, иди!

И, может быть, даже не бредни —
ну можно представить хотя б, —
что Богу милей собеседник,
чем вечно молящийся раб.

И можно словами молиться,
а можно без слов, без всего
однажды с невидимым слиться —
открыться и влиться в него.

И вето — условные вето!
И можно шалить и шалеть,
хотя хорошо бы при этом
и мир, и букашку жалеть.

А тот, кто не справился с этим,
кто был палачом и скотом
на нашем неангельском свете,
поймёт всё, что надо, потом...

Рука отступила не резко,
ушла — незаметно почти.
Качнулась слегка занавеска.
Я понял, что можно идти.

Я дверь приоткрыл. Предо мною,
как будто сигналил: «Сюда!», —
над горизонтальной луною
приплясывала звезда.

Я вздрогнул. Проснулся. Я поднял
глаза на звезду за окном.
И, честно признаюсь, не понял,
что делать с подаренным сном.

2016

* * *

А всё-таки хорош он, кроме шуток,
сей меж небытиями промежутки!
Какого ещё надобно врача,
когда под вечер многотрудных суток
бредёшь — и вдруг, сорвавшись, пара уток
уносится, отчаянно крича,
когда луна со странным выраженьем
следит, как, лапки в лапки с отраженьем,
скользит из яви лебедь в никуда,
в воспоминанья? Вот он пойман тьмою,
вот только след остался за кормою,
а вот и след растаял без следа.

2016

* * *

Знать, от Бога музыка любая,
знать, любая взлетает к нему.
Слышь, пернатые в роще лабают,
жалко, только вот кто — не пойму.
Может, так они молятся Богу?
Или голос Его из груди
их звучит? Подпевай понемногу
и на Бога роптать погоди.

Ты мухлюешь, а Он не карает
или разве что в шутку, едва.
Ты идёшь, и то гравий играет,
под стопой, то пружинит трава,
не оттаявшая. Белым задом
повернувшись, побеги грызя,
две косули красуются рядом,
не спеша убежать. И нельзя

не сказать, озираясь: «Спасибо!»
А кому? Есть Он, нет ли... Бог ведь.
Но, раз в мире настолько красиво,
надо думать, что Бог всё же есть!
И «спасибо!» не вымолвить стыдно —
сотворившему нужен фидбэк!
А без одного очень обидно,
будь ты Бог, соловей, человек...

Солнце белым по белому мажет.
На берёзы взглянул — и незряч.
А на зонтичных дышат плюмажи —
иней цел. Все мы целы. Не плачь.
Мы участники пьесы, не боле,
ну и зрители — разницы нет!
Нам дарованы беды и боли,
но зато нам дарован и свет.

2016

Содержание	
Обрывки сна	3
"обрывки сна тишина полутьма..."	5
"Улицы возле дома, где мне довелось родиться..."	6
"До чего же злобные были рожи..."	9
«Блядоящер очкастый! Кроковерблядь рогатая!»...	10
"Утром звёзды невесомей..."	12
"Едва ли дети весь смак просекут..."	14
"В столице провинции свои принципы..."	16
"И вспомнится: обрывки мата..."	18
"И рай нетрудно перепутать с адом..."	20
"Пусть повторится, что неповторимо..."	22
"Биология с химией были моим коньком..."	24
Реже хочется гурьбою	27
"Грызаясь с женой, промокнув в луже..."	29
"Реже хочется гурьбою..."	30
"Всевышнему какое дело?..."	31
"Почти не нарушая тишины..."	32
"Пока ещё на море тихо..."	33
"Свой бисер больше не мечу..."	34
"Наклонись и умойся, зачерпнув из ручья..."	35
"Рассвет готовится к восходу..."	36
"Кельей сумрак сделал спальню..."	37
"Я танцую на канате..."	38
"Отче наш, иже еси..."	39
Деньрожденное	40
"Ты помнишь тань, наташ и лен..."	41
"Гляжу, как, взявшись ниоткуда..."	42
"Взор небесный. Ноги до пят..."	43
"Гипотенузой сгладив катет..."	44
"Полустанок. Изъеденный ветром песчанник..."	45
"Едва ли стóбит старые часы..."	46
"Осторожно, чтоб не запачкать..."	47
"Каплями по лицу, скатываясь с лица..."	48
"От кромки волн невдалеке..."	49
"Это время на переломе..."	50
Между бездной и бездной	51
"Последний лета день туман в низины стелет..."	53
"Сентябрьский вечер, сентябрьский лес и вечер..."	54
Октябрь. Будапешт. Парк Варошлигет	55

"Где дразнящий предел? Где искомая точка отсчёта?..."	56
"С возрастом изменяется тела состав..."	57
"Ну какой это склон? Это слон! Это мамонт из мамонтов стада..."	58
"Ветер сдул закат, а вечер вытер..."	59
"Всё просто: туча на сносях..."	60
"Буквы — всего лишь буквы..."	61
"Апрель. Прелюдия тепла..."	62
"Светает в мире и внутри..."	63
"Уж если где-то наломал добрейший Бог дров..."	64
"Любовь не всегда страсть и всякие страсти..."	65
"Я и раньше, в общем-то, не был зол..."	66
"Дожди остались позади..."	67
"И снова солнце в полный рост..."	68
"Лето явно сдаёт, но пока что не кануло в Лету..."	69
"Взамен открытий закрытия. Реже события и соития..."	70
"Восток зажётся, как ведётся..."	71
"Ну что, душа-подранок..."	72
"У апреля тормозов нету..."	73
"Хоть мир в дерьме и не в своём уме..."	74
"Лунный свет подрагивает на связке ключей..."	75
Антону Яржомбеку	76
Не изменяется сценарий	77
"Карту изрезали пацаны..."	79
"Не изменяется сценарий..."	80
"...Но что, что ты можешь знать о стене?..."	81
"Человек — та ещё, надо заметить, скотина..."	82
"Луна всё полнее, а дни всё длиннее..."	83
"Дрозды, забыв гармонии азы..."	84
"Говорят, занято на трон влезть..."	85
"уж эти малоросские евреи..."	86
"И снова бред. И брода нет..."	87
"Экран. Глядят глаза-ножи..."	88
"Война гражданская в Донбассе..."	89
"После ночи на нарах канудит бок..."	90
"Темнеет воздух, светел водопад..."	91
"На Кипре слои веков наращиваются..."	92
"Вселенная корчится, изнемогая..."	93
"Если хочется и колется..."	94
На смерть Бориса Немцова	95
"И принцип прост, и выбор стар..."	96

"Страхивая лапшу, непрерывно навешиваемую..."	97
"Тоскуя в скудости эмоций..."	98
Толедо. Фигура Дон Кихота.	99
"Всё наваливается как-то гуртом..."	100
"И в упор, как под лупою..."	101
"От запаха коровьего навоза..."	102
"Стоны страсти со всех сторон..."	103
"Бог провёл, разделяя, линию..."	104
"Всё правильно как бы. Всё сходится вроде..."	105
"Пособникам убийц руки не подавать..."	106
"Соизмеряя вдох и выдох..."	107
"И трус, и хлипкая грязца..."	108
Ещё слова остались в словаре	109
"Сквозь хлопья крупные метели..."	111
"Луч пробился через тучи..."	112
"Апрель и светится, и свищет..."	114
"День берётся за дело..."	115
"Подобно электрическим разрядам..."	116
"Суховой. Ветвей маханье. Муравей устал от странствий..."	118
"А на балконе деревянный шкафчик..."	119
"На балконе хлама свалка..."	120
"Покуда плясали вокруг котильон..."	122
"Ещё слова остались в словаре..."	124
"Бессонница. Жара. Обвисли паруса..."	125
"Когда стошнит от гладкостишья..."	126
"Привет тебе, дружище интернет..."	127
"Мы загнаны в углы и голы..."	128
"Сбежал из речи в речь чужую..."	129
"Вольно тебе, однако же, Андрей..."	130
"Ноябрь сумрачен и мглист..."	132
"Город скуласт и оскален..."	133
"Новый год... Вроде плюс, но машины засыпаны снегом..."	134
"Я расту ещё, дорастаю..."	135
Жене Вишневскому.	136
Андрею Чернову	137
"Когда ночь подползает к утру..."	138
"Просыпайся, дорогая!..."	139
"Как же трудно в тело влезть поутру..."	140
Штутгарт	141
"О преподобный Ной, ты не пустынный, но..."	142

На смерть Эльдара Рязанова	144
"Ты помнишь, как пел песок под ногами..."	145
Виктору Гагину (точнее, как бы от его имени).	146
"Бессонница, Гомер и томик Мандельштама..."	148
Знать, от Бога музыка любая	149
"Город дым гонит вверх..."	151
Жене Логвиновой	152
"О где ты, где, гневное время..."	153
"Мы слепки двойной ДНК спирали..."	154
"Заносит, заносит, заносит листвою..."	155
"И не посадил, и не построил..."	156
"Я гниющий плод на засохшей ветке..."	157
"Перья пальмы, вставленные в вазу ствола..."	158
"Крот ночью выбрался из недр..."	159
"В восторге петух от цыплёнка..."	160
"Мамонтёнок маме ност..."	161
"Жизнь комара — мечта поэта..."	162
"В стране ураев и сервилей..."	163
"А если цель творенья — тля..."	164
"Пока подкрашивала губы..."	165
"За окном больницы небо..."	166
"У Эрота лысина проглядывает из-под парика..."	167
Барлах. Распятие. Церковь св. Елизаветы, Марбург	168
"Гормонов мешанина. Творец неутомим..."	169
Эйлат.	170
"Сон. Господь, сомлев в саду..."	171
"Мне давеча сон подобрали..."	172
"А всё-таки хорош он, кроме шуток..."	174
"Знать, от Бога музыка любая..."	175

Литературно-художественное издание

Григорий Певзнер

Обрывки сна

Редактор П. Певзнер

Технический редактор Б. Шлеймович

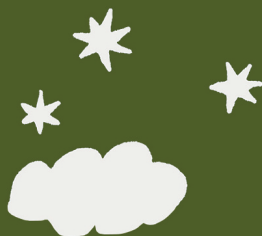
Корректор М. Гаврик

Технический директор И. Белый

Сдано в набор 1.06.2016. Подписано в печать 18.06.2016

Формат 60х84/16. Бумага офсетная. Гарнитура Петербург

Услов. печ. лист. 10,46.

МОСКВА
2015

ISBN 978-5-904935-65-8

9 785904 935658 >

